

Е. Андрущенко

ВЛАСТИЛИН «ЧУЖОГО»:
текстология и проблемы поэтики
Д.С. Мережковского

Елена Анатольевна Андрущенко
Властелин «чужого». Текстология и
проблемы поэтики Д. С. Мережковского

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964640*

*Андрущенко Е.А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. :
Водолей; Москва; 2012
ISBN 978-5-91763-129-5*

Аннотация

Один из основателей русского символизма, поэт, критик, беллетрист, драматург, мыслитель Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) в полной мере может быть назван и выдающимся читателем. Высокая книжность в значительной степени инспирирует его творчество, а литературность, зависимость от «чужого слова» оказывается важнейшей чертой творческого мышления. Проявляясь в различных формах, она становится очевидной при изучении истории его текстов и их источников.

В книге текстология и историко-литературный анализ представлены как взаимосвязанные стороны процесса осмысления поэтики Д.С. Мережковского, показаны возможности, которые текстология открывает перед тем, кто стремится пройти путь от писательского замысла до его реализации, а иногда и восприятия читателем.

Содержание

Предварительные замечания, или «Сам себе текстолог»	4
Глава I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Анатольевна Андрущенко

Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского

Предварительные замечания, или «Сам себе текстолог»

Эта книга посвящена текстологии и некоторым проблемам поэтики Д.С. Мережковского. Она была задумана в связи с теми особенностями его текстов, которые, по нашему мнению, обнаружились при подготовке произведений к публикации. Но в том споре о текстологии, который вели между собой ученые на протяжении последних пятидесяти лет XX в., вопрос подготовки к публикации был лишь частью обсуждаемых проблем. Об этом идет речь в книге А.Л. Гришунина «Исследовательские аспекты текстологии» (1998), в которой подчеркивались именно исследовательские возможности и понимание специфики этой части науки, которое по сей день разделяется не всеми, возможно, из-за общего снижения интереса к такому рода работе с текстом или, как он сам полагал, из-за «снижения филологической культуры»¹. Во всяком случае, в словах А. Рейтблата, писавшего о литературоведах, которые

«поглощены Гоголем и Достоевским, Булгаковым и Ахматовой, а то, что читается большей частью населения, презрительно именуется "читивом", не заслуживающим траты времени и исследовательских усилий»,

– выражен упрек в «научном "снобизме"»:

«...разыгрываются целые дискуссии о том, чихнул или не чихнул Пушкин в том или ином месте, ставить или не ставить запятую при публикации его стихотворения, а издающиеся миллионными тиражами книги, вызывающие споры современников, отвечающие на их интеллектуальные и эстетические запросы, остаются вне исследовательского внимания»².

Думается, и произведения массовой литературы, и произведения литературы «высокой», и литература древняя, и медиевистика, и классика, оказываясь объектом исследовательского внимания, могут быть лучше и вернее поняты, если их осмысление начинается с работы текстологической. И расстановка знаков препинания в стихотворениях Пушкина, и цензурные изъятия из произведений советской литературы, и источники акунинских текстов в таком смысле получают одинаковый статус.

Перефразируя название известной когда-то телевизионной передачи, можно сказать, что каждый литературовед – «сам себе текстолог». Приступая к решению какой-либо научной задачи, он в том или ином объеме должен поначалу выполнить работу текстолога, если у него нет возможности воспользоваться результатами деятельности другого текстолога по изучению истории текста. И выполняет ее, не обязательно надеясь установленный и выверенный текст опубликовать. Так, например, задавшись целью осмыслить пьесу М. Горького «Васса Железнова», какой текст следует выбрать для анализа? Такие вопросы стоят и перед

¹ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. – М.: Наследие, 1998. С. 4.

² Рейтблат А. Русский извод массовой литературы: непрочитанная страница // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 405.

литературоведами, имеющими дело с «Записками охотника» И. Тургенева, текстами произведений И. Гончарова или Н. Лескова, не подвергавшимися проверке. Сколько ложных утверждений о Пушкине порождено «Записками А.О. Смирновой», опубликованными Л.Я. Гуревич и принятыми за подлинные³? Это стало понятно после выхода в свет выверенного текста, подготовленного С.В. Житомирской⁴. А ведь они вошли в статьи авторитетных специалистов по творчеству Пушкина, стали, так сказать, достоянием пушкиноведения. Одной из первых «жертв» ложных «Записок» был сам Д. Мережковский как автор важнейшей для его наследия статьи «Пушкин». Как быть с осмыслением наследия академика А.И. Белецкого и установлением места его трудов в истории литературы, если обнаружилась «Докладная записка о Воскресении Христовом», ему приписываемая? Когда деятельность литературоведа оторвана от работы текстолога,

«вся историческая и проблемно-теоретическая часть литературоведения не находит опоры в той конкретно-фактической и методической основе, которую могла бы предоставить ей текстология, если бы в полной мере проявлялись ее возможности»⁵.

Между тем, такой подход и сегодня не представляется бесспорным⁶, и в ушедшем веке вызывал немало возражений: напомним о дискуссиях 1950-х, 1960-х гг.⁷, вышедших впоследствии работ С.А. Рейсера⁸ и уже в 1990-х гг. А.Л. Гришунина, который стремился провести мысль «о насущной необходимости неформального понимания задач текстологии и более широкой ее ориентации»⁹. Может быть, способствовать этому будет осмысление тех возможностей, которые открывает текстологическое прочтение текстов одного писателя. Как справедливо говорит М. Одесский, «в современной научной ситуации успех сочинения о текстологии обеспечивается не столько неординарным подходом к ее "аспектам", сколько примерами»¹⁰.

В нашем случае одна из проблем, связанных с пониманием задач текстологии, снимается – речь пойдет о текстах, подготовленных к печати и изданных. Не стремимся дать ответ на вопрос о самостоятельности текстологии как науки. Оставались открытыми и требовали осмысления проблемы атрибуции и датировки, состава и происхождения, освобождения от разного рода наслоений, характер изложения и стиль, объяснение «темных» мест, имен, названий, фактов, установление источников книг Д.С. Мережковского. По-видимому, некоторые из принятых решений неточны, не окончательны и еще требуют корректировки в процессе дальнейшей работы исследователей над этими текстами. Некоторые проблемы так и остались открытыми. При всей необходимости такого исследования, оно все же предвещает изучение этих памятников как художественной целостности и немислимо без последу-

³ Записки А.О. Смирновой (Из записных книжек. 1826–1845 гг.). СПб.: Изд. ред. «Северного вестника», 1895, ч. 1.

⁴ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. Изд. подг. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989 (Серия «Литературные памятники»).

⁵ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. С. 3.

⁶ Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. [Отв. редактор И.В. Корниенко]. – М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009.

⁷ Бухштаб Б.Я. Что такое текстология? // Русская литература. 1965. № 1; Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Бухштаба // Русская литература. 1965. № 1; Б.Я. Бухштаб «О природе текстологии и проблеме выбора основного текста»; А.Л. Гришунин. «К спорам о текстологии», Е.И. Прохоров. «Предмет, метод и объем текстологии как науки»; Д.С. Лихачев. «Ответ Б.Я. Бухштабу и Е.И. Прохорову» (Русская литература. 1965, № 3. С. 125–162); Прохоров Е.И. Текстология (Принципы издания классической литературы). – М.: Высшая школа, 1966 и др.

⁸ Рейсер С.А. Основы текстологии. Изд. 2. Уч. пособие для студ. пед. инст-в. – Л.: Просвещение, 1978.

⁹ См. как разница в понимании задач текстологии описана для студентов: О.Б. Волкоморова. Текстология: Учебно-методический комплекс для студентов специальности «Издательское дело и редактирование». – Тюмень, 2008.

¹⁰ Одесский М. Признания посвященного // Новое литературное обозрение. 1996. № 36.

ющего историко-литературного анализа. Нам думается, что существующий в сознании некоторых литературоведов стереотип, согласно которому текстологическое исследование – это вещь необязательная, техническая, без которой научное осмысление произведения может и обойтись, ошибочно. Такое литературоведение превращается в «интерпретационное», о кризисе которого и необходимости поисков новых подходов говорилось неоднократно. Мы стремимся представить текстологию и историко-литературный анализ как взаимосвязанные стороны процесса постижения особенностей поэтики писателя, продемонстрировать те плодотворные возможности, которые текстология открывает перед исследователем, стремящимся пройти путь от писательского замысла до его реализации, а иногда и восприятия читателем и, наконец, сделать некоторые выводы о том, о каком эстетическом явлении в случае с Д. Мережковским следует говорить. Источником его вдохновения была не действительность, не живые люди с их страданиями, слабостями, поступками, а то, как все это пересоздано творческим воображением другого художника. М. Бахтин называл такой тип творчества подменой ценностного контекста литературно-материальным. Он писал, что в подобных случаях

«... творческий акт автора совершается сплошь в чисто литературном ценностном контексте, ни в чем не выходя за его пределы и сплошь во всех моментах только им осмысливаясь, здесь он ценностно рождается, здесь он и завершается, здесь он и умирает. Автор находит литературный язык, литературные формы – мир литературы и ничего больше, – здесь рождается его вдохновение, его творческий порыв создать новые комбинации-формы в этом литературном мире, не выходя за его пределы. Действительно, бывают произведения, замысленные, выношенные и рожденные в чисто литературном мире. <...> Автор преодолевает в своем творчестве чисто литературное сопротивление чисто литературных старых форм, навыков и традиций (что, бесспорно, имеет место), никогда не встречаясь с сопротивлением иного рода (познавательно-этическим сопротивлением героя и его мира), причем его целью является создание новой литературной комбинации из чисто литературных же элементов.»¹¹.

Это наблюдение содержится в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» и, конечно, М. Бахтин имел в виду не Д. Мережковского, а сам характер творческого акта, в котором доминирует литературность. Сопротивление литературных форм, которое преодолевает писатель, мыслящий в литературных координатах, он противопоставлял такому типу творения, когда художник борется с

«...познавательно-этической направленностью жизни и ее значимым жизненным упорством; здесь точка высшего напряжения творческого акта (для которого все остальное только средство), каждого художника в своем творчестве, если он значительно и серьезно является первым художником, то есть непосредственно сталкивается и борется с сырой познавательно-этической жизненной стихией, хаосом (стихией и хаосом с точки зрения эстетической), и только это столкновение высекает чисто художественную искру»¹².

Д. Мережковский столкновения с «сырой познавательно-этической жизненной стихией» избегает. Причины этого следует искать, видимо, в самом характере эпохи подведения итогов.

¹¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. С. 179–180.

¹² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. С. 181.

К таким выводам приводит текстологическое изучение ряда текстов писателя: статей, вошедших в «Вечные спутники» разных редакций, и не включенных в сборник, книги «Л. Толстой и Достоевский», пьес, отдельных публицистических и литературно-критических статей, написанных до отъезда в эмиграцию, произведений, созданных в эмиграции: «Тайна Трех: Египет и Вавилон», «Тайна Запада. Атлантида – Европа», «Иисус Неизвестный». Авторитетные исследователи изучают другие стороны наследия Д. Мережковского – поэзию, публицистику, эмигрантскую прозу¹³ и пр. Полученные ими результаты не только существенно обогащают наши представления о творчестве Д. Мережковского, но и со всей очевидностью подтверждают тезис о его «вторичности», «книжном происхождении»¹⁴.

В процессе изучения текстов писателя пришлось, используя выражение Д.С. Лихачева, заглянуть «к автору и с парадного входа, и с черного», прочесть и осмыслить его «черновики, не предназначавшиеся для чтения», а также проанализировать варианты его произведений¹⁵ и мн. др. В случае с Д. Мережковским это приводит иногда к уничтожающим результатам и, как он сам писал о И. Тургеневе, открывает «наготу покойника», что, конечно, означает нарушение «авторской воли», «намерений автора»: писатель вряд ли бы хотел, чтобы был обнаружен и предъявлен читателю, например, плагиат. Но «нарушение» воли писателя означает одновременно и утверждение ее, обнаружение «темных мест» и их истолкование, выявление изменений его мысли и этапов ее движения.

¹³ Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. Вст. ст., сост., подг. текста и ком. К.А. Кумпан. – СПб.: Академический проект, 2000 (серия «Новая библиотека поэта»); Д.С. Мережковский. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Сост., ком. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина; послесл. О.А. Коростелева. – СПб.: РХГИ, 2001 (серия «Из архива русской эмиграции»); Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Подг. текста, послесл. М. Ермолаева, ком. А. Архангельской, М. Ермолаева. – М.: Республика, 1995 (серия «Прошлое и настоящее»); Д. Мережковский. Собр. соч. Иисус Неизвестный. Послесл. В.Н. Жукова, подг. текста В.Н. Жукова и А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1998; Д. Мережковский. Собр. соч. Данте. Наполеон. Сост. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина, вст. ст. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2000; Мережковский Д.С. Данте. Томск: Водолей, 1997; Мережковский Д.С. Испанские мистики. Св. Тереза Авильская. Св. Иоанн Креста. Приложение: Маленькая Тереза. Под ред. и с предисл. Т. Пахмусс. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988, и др.

¹⁴ Лавров А.В. Мережковский / Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М-П [Гл. ред. П.А. Николаев]. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. С. 26.

¹⁵ Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Бухштаба. С. 86

Глава I

История текста «Вечных спутников»

Книга «Вечные спутники» относится, вероятно, к наиболее известным, после исторических трилогий, созданиям Д. Мережковского. Исследователь, приступающий к ее изучению, оказывается перед необходимостью определиться, какой же текст он будет считать «Вечными спутниками» – тот ли, что издан в конце 1896 г., или тот, который вышел в свет в составе XVII–XVIII тт. Полного собрания сочинений писателя в 24 тт.¹⁶ А.Л. Гришунин отвечал на подобный вопрос следующим образом:

«В обычных случаях творческая воля писателя получает наиболее полное отражение в последних по времени творческих документах; в источниках, отражающих последний этап работы автора над произведением; в последней авторской рукописи; последнем прижизненном издании, в корректурах этого издания»¹⁷ (105).

Современные публикаторы этой книги не придерживаются единого мнения. Так, М. Ермолаев опубликовал «Вечные спутники» в последней авторской редакции¹⁸, а М. Коренева, напротив, в первой¹⁹. М. Ермолаев, следуя авторской воле, представил читателю книгу в том составе, в каком хотел видеть писатель, готовивший последнее собрание своих сочинений. М. Коренева воспроизвела книгу такой, какой ее впервые прочли и полюбили читатели.

В некоторых современных изданиях целостность замысла этой книги вообще нарушена. С. Поварцов опубликовал часть глав из нее: «Акрополь», «Флобер», «Сервантес», «Достоевский», «Гончаров» и «Майков»²⁰, Т. Прокопов – статьи «Пушкин» и «Достоевский»²¹, а С. Данилов – статью «Пушкин»²². Вероятно, учитывая направленность тех серий, в которых выходили в свет эти издания, подобные решения и оправданы: они давали представление лишь об отдельных произведениях Д. Мережковского. Но в отношении к авторскому замыслу, который изложен в Предисловии к «Вечным спутникам», —

«За это соединение столь различных, по-видимому, чуждых друг другу, именно в одну семью, в одну галерею портретов, могут упрекнуть автора в отсутствии систематической связи. Но он питает надежду, что читателю мало-помалу откроется не внешняя, а субъективная внутренняя связь в самом я, в мирозерцании критика.»²³,

– такое расчленение представляется неоправданным.

¹⁶ Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: в 24 т. Т. XVII, XVIII. – М.: И.Д. Сытин, 1914.

¹⁷ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. С. 105.

¹⁸ Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Подг. текста, послесл. М. Ермолаева. – М.: Республика, 1995. (Серия «Прошлое и настоящее»).

¹⁹ Мережковский Д. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Подг. текста и вст. ст. М. Кореновой. – М.: Азбука-классика, 2007.

²⁰ Мережковский Д. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. Сост., авт. послесл. и ком. С.Н. Поварцов. – М.: Книжная палата, 1991.

²¹ Мережковский Д.С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. литературные портреты. Дневник. Сост., прим. Т.Ф. Прокопова, вст. ст. Н.М. Солнцевой. – М.: Школа-пресс, 1996.

²² Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. Сост. С.Я. Данилова. – М.: Советский писатель, 1991.

²³ Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подг. Е.А. Андрущенко. – М.: Наука, 2007. (Серия «Литературные памятники»). Далее страницы указываются в скобках по этому изданию.

Книгу разъединял при жизни писателя и М.В. Пирожков, который выпускал в свет статьи отдельными брошюрами: в 1906 г. – «Пушкин», в 1907 г. – «Акрополь, Дафнис и Хлоя», «Марк Аврелий, Плиний Младший», «Кальдерон, Сервантес», «Ибсен», а в 1908 г. – «Монтань, Флобер» и «Достоевский, Гончаров, Майков». Издателя не заботила целостность замысла «Вечных спутников», а книжки в мягком переплете, издаваемые довольно большим тиражом, выполняли одновременно и популяризаторскую роль, и коммерческую.

Перед нами тоже стояла задача определения состава текста, когда представилась возможность издать книгу в серии «Литературные памятники». Если следовать последней публикации при жизни автора, то «Вечные спутники» нужно издавать в таком составе, в каком они вошли в XVII и XVIII тома последнего его прижизненного собрания сочинений. Но исходя из задач серии, ее целесообразнее было опубликовать в той редакции, в которой она и стала «памятником», т. е. книгой, завоевавшей всеобщую известность и занявшей свое место в истории литературы²⁴. Теперь, по прошествии времени, мне представляется именно это решение оправданным. Тем более, что история этого текста, претерпевавшего многочисленные переработки, свидетельствует о нарушении самим Д. Мережковским его, используя выражение Б. Томашевского, поэтической «системы».

Главные изменения текста он проводил, готовя к публикации первую редакцию книги, позднейшие же сделаны к 1914 г., когда сменились его приоритеты, задачи, а с ними – и состав «спутников». Установить причины этого можно в процессе изучения истории текста.

«Произведение создается не сразу. Его созданию предшествует длительная и сложная работа, в результате которой получается более или менее законченный *текст* произведения. Но и достигнув этой стадии завершенности своего труда, автор обыкновенно продолжает свою работу над произведением, и каждое новое издание дает обычно новую переработку как в деталях, так иногда и в целом. <...> Таким образом, с того момента, как мы приступаем к изучению истории текста, нам необходимо учесть его текучесть, постоянную изменчивость»²⁵.

Книга «Вечные спутники» в редакции 1896 г. состоит из предисловия и тринадцати статей. В 1899 г., затем в 1909 и 1910 гг.²⁶ она была переиздана без изменений по отношению к первому изданию. Включая «Вечные спутники» в XIII том Полного собрания сочинений в 17 тт., издаваемого М.О. Вольфом в 1911–1913 гг., Д. Мережковский отказался от статьи «Дафнис и Хлоя»: она была опубликована в составе VI т. этого собрания. В XVII–XVIII тома Полного собрания сочинений в 24 тт. (1914) «Вечные спутники» вошли в измененном составе – без статьи «Дафнис и Хлоя» и с тремя новыми статьями: «Трагедия целомудрия и сладострастия» (1899), «Тургенев» (1909) и «Гёте» (1913). Таким образом, при жизни писателя «Вечные спутники» имели несколько редакций.

Текст первой редакции книги складывался постепенно. Все статьи, составившие ее, кроме статьи «Ибсен», публиковались до этого в периодической печати. Установить это помогли библиографические своды произведений писателя, опубликованные до 1914 г. Они составлялись дважды. Один из них вошел в XXIV т. Полного собрания сочинений Д. Мережковского в 24 тт. и был подготовлен О.Я. Лариным. Этот свод значительно уступает венгеровской библиографии, помещенной в «Русской литературе XX века». Она свидетельствует о том, что первой из статей, затем вошедших в «Вечные спутники», была статья «Флобер

²⁴ Этого мнения придерживался ответственный редактор тома – А.В. Лавров.

²⁵ Томашевский Б. Писатель и книга. С. 69.

²⁶ В издательстве «Общественная польза», СПб

в своих письмах» (1888), а к 1892 г. опубликовано большинство частей будущей книги. Ее замысел сложился, видимо, в 1893 г., – об этом писатель сообщал А.С. Суворину:

«Я знаю, что издание моих книг невыгодно, но я решаюсь все-таки обратиться к вам по следующим соображениям: 1) моя критическая проза идет лучше моих стихов, 2) Вы издаете книги и не очень выгодные, но все-таки хорошие, полезные для русской литературы, а я питаю надежды, что та книга, которую я хочу издать, небесполезна. Размером она будет в 14 или 15 печатных листов. Ее название: "Критические портреты" ("Очерки всемирной литературы"). Содержание: 1) Марк Аврелий, 2) Кальдерон, 3) Сервантес (Дон-Кихот), 4) Монтень, 5) Флобер, 6) Ж.-Ж.Руссо, 7) Ибсен»²⁷.

Тогда в книгу должны были войти семь статей. В 1896 г. была опубликована статья «Пушкин» и в конце этого же года – «Вечные спутники». Книге предпосылалось Предисловие автора, в котором обосновывалось единство ее замысла.

Установление текста «Вечных спутников», анализ изменений, вносимых в статьи, составившие его, а также комментарий, по нашему мнению, многое могут дать для понимания его специфики. В отношении Д. Мережковского это важно потому, что в процессе выявления, например, источников его текстов обнаруживаются особенности, способные вывести к пониманию самого характера его творческого мышления.

Статья «Акрополь», всегда занимающая в «Вечных спутниках» положение за Предисловием, впервые напечатана в газете «Наше время»²⁸. При ее включении в «Вечные спутники» Д. Мережковский провел существенную правку. Сличение первой публикации и текста, включенного в книгу, свидетельствует, что он шел путем изъятия ряда фрагментов, содержащих публицистические элементы, прямые обращения к читателю, самопризнания, которые общему строю статьи не вполне соответствовали. Во всяком случае, количественно они преобладали над описанием сокровищниц древности. Вот несколько характерных примеров:

«...Зайду, бывало, в поросший травой пустынный двор какого-нибудь замка вроде Боргелло. Взгляну на эти стены из диких, неотесанных камней, точно не людьми, а циклопами построенные, на голубое небо между стенами, на древние гербы, на рыцарское оружие и рядом на пожелтый мрамор античных статуй, прислушиваюсь к тысячелетней ненарушаемой тишине, – и дух захватывает от красоты, от величия. Помню, я испытывал что-то подобное только в самом раннем детстве, когда, веря всеми силами души, молился и молился не о чем-нибудь определенном и земном, а просто высказывал Богу мою радость, благодарил его за то, что *Он есть* и еще за то, что Он сделал так, что я знаю, что Он есть. Наслаждение красотой – самая чистая молитва. В ней мы забываем свое самолюбие, страсти, муки и желание. Мы отрекаемся от нашего я. Вот почему истинное наслаждение красотой – великий нравственный подвиг. И не удивляйтесь, что я говорю это по поводу каких-то грубых стен средневекового замка, который – может быть, служил для жестокостей и насилия. Я в нем наслаждаюсь созерцанием человеческого могущества, величием свободного духа» (760).

«Потом, когда я возвращался в нашу модную гостиницу «Albergo de la Pace» и садился за общий обеденный стол, так называемый «табль-

²⁷ РГАЛИ, Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2630, лл. 10–11.

²⁸ Наше время; 1893. № 32–34 под заглавием «Флоренция и Афины. (Путевые воспоминания)». Подсказано А.В. Лавровым.

д'от», мне становилось гадко на душе и стыдно. В какое время мы живем, среди каких людей! Передо мной сидела немка из Берлина с одутловатым, красным и глупым лицом. Она говорила что-то мужу, звероподобному еврейскому банкиру, насквозь пропахшему экономической грошовой сигарой, и восторгалась Венерой Медической. Меня тошнило от этих восторгов. Тут же рядом сидели пять старых дев из Лондона; сухопарых, бескровных, рыжих и костлявых. Что за безобразие, что за скука и плоскость на лицах!» (760).

Во всех редакциях «Вечных спутников» статья «Акрополь» сохраняла свою «сильную» позицию в начале книги, хотя она и отличается от остальных ее частей. А.М. Скабичевский писал по поводу нее, как о курьезе:

«... в число великих писателей, тихих спутников г. Мережковского, попал вдруг и афинский Акрополь, так что оказывается, что Акрополь вовсе не пребывает в неподвижности близ Афин, а сопутствует г. Мережковскому в его земных скитаниях или покоится на полках его библиотеки рядом с М. Аврелием и Монтенем» (601).

А В.Д. Спасович – как о несоответствующей названию книги:

«Не всегда можно верить заглавиям книг; нельзя также вполне полагаться на предисловия. Книга г. Мережковского озаглавлена: «Вечные спутники – портреты из всемирной литературы», а уже первая статья в книге: *Акрополь* – недвижимость, предмет архитектурный, не могущий никому сопутствовать, и даже не многими лицами посещаемый» (641).

Статья «Дафнис и Хлоя» публиковалась в составе «Вечных спутников» до выхода в свет первого собрания сочинений писателя и помещалась за «Акрополем». Впервые она была напечатана в 1895 г. в издательстве М.М. Ледерле под заглавием «О символизме "Дафниса и Хлои"» как вступительная статья к переводу древнегреческого романа Лонга, выполненного Д. Мережковским²⁹. В 1896 г. М.М. Ледерле переиздал брошюру без изменений. Затем она вошла в «Вечные спутники», позднее, в 1904 г. и 1907 г., была переиздана М.В. Пирожковым. В первом собрании сочинений писателя статья уже публиковалась в VI т., а в собрании сочинений в 24-х тт. – в XIX т. отдельно от «Вечных спутников».

Если для «Акрополя» «источником» текста были путевые впечатления писателя, то в «Дафнисе и Хлое» – его соображения как переводчика и историка литературы. Об этом свидетельствует характер тех фрагментов, которые требуют пояснений комментатора. В «Акрополе» это, в основном, названия достопримечательностей и произведений литературы и искусства, связанных с ними. В «Дафнисе и Хлое» комментарий нужен уже не «географический», а литературный. Д. Мережковский упоминает античные трагедии и события древности, им используются метонимии, требующие пояснений, например:

«... и через *Vita Nuova* Данте, через томные вздохи и слезы о Лауре, через сентиментальную идиллию *Новой Элоизы* переданы XIX веку.» (20).

В статье также цитируется текст, источник которого автор называет сам – «...из разговоров с Эккерманом». Речь идет об известной книге «Разговоры с Гёте, собранные Эккерманом» многолетнего секретаря писателя. Она была известна русскому читателю лишь в немецком издании, пока в 1891 г. не вышла по-русски в сокращенном переводе Д.В. Авер-

²⁹ Мережковский Д. О символизме «Дафниса и Хлои» // Дафнис и Хлоя. Древнегреческий роман Лонгуса. Пер. Д.С. Мережковского. СПб.: М.М. Ледерле, 1895. С. 5–12.

киева³⁰. Наш анализ свидетельствует, что это была важная книга для русских символистов, и ее рецепция в России рубежа веков еще требует своего изучения: В.М. Жирмунский в книге «Гёте и русская литература» упоминает перевод Д.В. Аверкиева лишь единожды. Для Д. Мережковского книга в этом переводе стала настольной. При решении вопроса о причинах изменения состава «Вечных спутников» и включения в последнюю редакцию статьи «Гёте» это обстоятельство следует учитывать.

Следующей статьей в «Вечных спутниках» была «Марк Аврелий». Впервые она увидела свет в 1891 г.³¹ При включении ее в состав книги Д. Мережковский не внес изменений по сравнению с журнальной редакцией и впоследствии ее не перерабатывал. В 1907 г. «Марк Аврелий» вместе со статьей «Плиний Младший» печаталась М.В. Пирожковым отдельной брошюрой и включалась в оба полные собрания сочинений писателя.

Текст статьи ставит немало интересных вопросов. Один из них связан с первой главкой. В ней автор сообщает о книге Э. Ренана «Marc Aurèle et la fin du monde antique»³², которая представляется ему одним «из самых блестящих характерных созданий его гения», а затем сопоставляет его исследования с трудами И. Тэна. Книга, о которой говорит писатель, вышла в свет в 1891 г. в издательстве Calmann Levy. Труды И. Тэна он не упоминает, но по перечню имен —

«Он любит изображать темпераменты цельные, с избытком жизненной силы и воли, как Свифт, Рубенс, Бетховен, Наполеон.» (30) —

можно предположительно говорить о том, что имеются в виду «История английской литературы» (1863–1864), «Философия искусства» (1865), книга о Наполеоне³³ и др.

При обследовании архивов обнаружили подготовительные материалы к этой статье («Э. Ренан о Марке Аврелии»). В них также есть несколько подсказок, дающих возможность судить о тех исследованиях, к которым обращался автор при подготовке статьи. Это своего рода размышления по поводу прочитанного: в статью перенесено противопоставление Э. Ренана И. Тэну. Возможно, это черновой автограф фрагмента статьи, от включения которого в окончательный текст Д. Мережковский отказался. Приводим текст здесь и далее, по «верхнему слою» с сохранением авторской пунктуации.

«И.Тэн в исследовании политических начал современной Франции ("Les origines de la France contemporaine") развенчивает одну из величайших попыток человеческого духа достигнуть счастья и свободы на земле. Как ни старается исследователь быть объективным и беспристрастным, нам ясно его личное отношение, мы чувствуем, что он хочет сказать нам: "вот до чего люди дошли, стремясь к свободе и равенству, вот что идеализировали прежние писатели под громким именем Великой Революции". Тэн — разрушитель социальной веры, веры в земную человеческую справедливость. Ренан — такой же скептик в другой области, в исследовании других начал ("Histoire des origines du Christianisme"). Характерно для нашего века, что два великих историка в исследовании двух начал, двух всемирных движений, возникших из идеалов земной и небесной справедливости, оба пришли к отрицательным выводам, оба отнимают у нас надежды, и разочаровывают верующих.

³⁰ «Разговоры с Гёте, собранные Эккерманом» в пер. с нем. Д.В. Аверкиева. Ч. 1–2. — СПб.: изд. А.С. Суворина, 1891.

³¹ Труд. 1891. № 21. С. 249–266.

³² «Марк Аврелий и конец античного мира» (фр.)

³³ H. Taine. Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne T. 1, livre I. Paris, 1891.

Что же дают они людям взамен прежней веры, которая помогала им жить? Великое счастье познания, утомляющее ум, а сердце..? Разрушители уверяют, что познание должно утолить и сердце. Если так, отчего же их самые искренние страницы проникнуты такою скорбью. Довольство знанием – это условное и официальное оправдание; скорбь – для посвященных, для избранных, для читателей, составляющих успех и популярность книги, – скорбь – самое дорогое, глубокое и заветное, что есть у Ренана и Тэна. Несмотря на внешнюю объективность и бесстрашие чувствуется у каждого историка – свое вдохновение: у Тацита – негодование на человеческое рабство, у Гиббона и Бокля – вера в могущество знания, у Маколея – скорбь, безнадежность разочарование во всех идеалах человечества, во всех попытках достигнуть счастья на земле или на небесах. Начиная Тит-Ливием и кончая Моммсенем еще никогда история не внушала такого глубокого скорбного чувства. Единственное очарование, которое сохранило власть над сердцем этих неверующих, последняя тайна, которую не успел разложить их ум, Красота, Искусство, обаяние формы. Основания для выводов являются у них во всеоружии современной точной науки; в примечаниях, в ссылках, в цитатах царит неумолимый и бесстрашный дух исследования. Эти нижние этажи, гранитные незыблемые устои книги предназначены для полемики, для ученых, для специалистов; а текст, пламенные, страстные и разрушительные страницы ("тайный яд страницы знойной", как говорит Лермонтов) облечены в самую обаятельную, художественную форму, т. е. самую доступную для толпы. Эти страницы современной скорби и отчаяния в исследованиях политических и религиозных начал европейской цивилизации волнуют сердце женщин и молодых людей, сердце толпы.

У каждой эпохи есть свое отношение к прошлой истории человечества, свое понимание, свой глазомер, камертон, данный великими историками, которому подчиняется хор. Этот современный исторический камертон, преобладающее настроение умов при созерцании прошлого установили Тэн и Ренан страницами разочарования и неверия.

Но как непохожи скорбные сомнения конца нашего века на радостные и торжествующие сомнения конца прошлого века, на самодовольную насмешливую улыбку Вольтера. Вольтер деист. Но в сущности деизм его так же холоден, как официальное государственное исповедание тогдашних католиков. Неверие порождало в нем радость, неверие порождает в лучших представителях нашего времени величайшую скорбь.

Еще в тридцатых годах А. Мюссэ выразил это чувство незаменимой потери, одиночества и безнадежности, которое пробуждается в душе современных людей утратой и невозможностью веры: "о Христос, да будет нам по крайней мере позволено плакать над этим холодным миром, который жил Твоею смертью и умрет без тебя!

О Боже мой, кто теперь возвратит ему жизнь? Ты воскресил его своею чистою кровью... Иисус, кто сделает то, что Ты сделал? Кто возвратит нам юность только рожденным и уже дряхлым?... Люди чувствуют себя такими же старыми, как во дни Твоего пришествия. Мы так же страстно ждем, мы еще больше утратили. Во второй раз еще более мертвое и холодное, человечество, как Лазарь, простерто в своем гробу. Кто же вызовет нас из могилы?" ("Rolla").

В этой скорби великих современных поэтов-историков заключена все более безнадежная и неутолимая жажда веры, вопрос, на который никто не может дать им ответа: "кто вызовет нас из могилы?"

Наука исключила из своей области все попытки проникнуть в Абсолютное, в Непознаваемое. Но тем самым она не исключила их из человеческой души, не могла уничтожить связи величайших нравственных вопросов о смысле жизни, об отношении к смерти – с областью Непознаваемого. Еще никогда ум наш не стоял так близко, так лицом к лицу без всяких покровов и преград с тайной человеческой судьбы и природы. Никто не заслонит нас от этого мрака, ничто не уничтожает и не дает успокоения! Тэн историк идеалов земной справедливости и свободы,

Ренан историк религиозных движений не могли в своих исследованиях не натолкнуться на эту глубокую связь всех великих основных вопросов с областью Непознаваемого. Тэн в "Истории английской литературы" делает попытку свести оригинальность гения на определенные влияния окружающей среды и расы; но когда он лицом к лицу встречается с гением, – он перестает разлагать, забывает свой научный тезис, из скептика делается мистиком и благоговеет перед тайной, заключенной в красоте. Ренан холодно и бесстрастно исследует развитие религиозного движения, но когда он встречается с великими проявлениями религиозного гения, он забывает объективность и восторгается, сердце его трепещет» (325–328).

Следующие главки вызывают больше затруднений для комментирования. Д. Мережковский вводит читателя в эпоху Марка Аврелия, знакомит с его биографией, важнейшими событиями жизни. Он называет десятки имен, цитирует древних историков, рассказывает о «царстве философов» и нравах, царивших в обществе. Все это требует пояснений. Однако поиск источников подобных сведений результата не давал: в трудах древних историков не упоминаются приводимые детали, например, о том, что

«...Румеллий Плавт имел при своей особе двух *докторов мудрости* – Церана и Музония, – одного грека, другого этруска: их обязанность состояла в том, чтобы наставлениями освобождать душу вельможи от страха смерти. Как в наши дни перед кончиной призывают священника, так тогда призывали мудреца. Тразеа умирает, напутствуемый циником Деметрием. Кан Юлий шествует на казнь, сопровождаемый "своим философом"» (35).

Поиск источников привел к тексту книги Э. Ренана. Она подробно пересказана, из нее – и цитируемые слова древних Капитолина и Ульпиана, другие факты и детали. Однако высказываний Марка Аврелия, которые цитируются во II главке и далее в тексте статьи, в книге историка нет. Естественно предположить, что Д. Мережковский цитировал «Размышления» Марка Аврелия.

Перед комментатором стоит задача установить то издание, которым пользовался писатель и которое цитировал. «Размышлений» на русском языке в 1890-е гг. не существовало, и он, вероятно, воспользовался тем французским изданием, которое было ему доступно. Анализ показал, что в статье использован французский свод «Размышлений»³⁴, не соответствующий современному научному изданию³⁵. Писатель не только цитирует «Размышления» Марка Аврелия, но и пользуется ими как источником для характеристики его интимной

³⁴ Pensées de Marc-Aurèle. Traduction nouvelle par J. Bartélémy. Paris, 1876.

³⁵ Марк Аврелий Антонин. Размышления. Изд. подг. А.И. Доватур, А.К. Гаврилов, Яан Унт. (2 изд. СПб.: Наука, 1994). (Серия «Литературные памятники»).

жизни или образа мыслей. В интерпретации записей философа Д. Мережковский прибегает к домыслу.

«Быть может, Фаустина любила мужа в то время, когда они еще жили во дворце Лориум или в затишье лесов виллы Ланувиум на последних отрогах Альбанских гор. Но любовь прошла, и философия наскучила молодой красивой женщине. Выдержки из Эпиктета возбуждали в ней тоску; спокойствие и кротость мужа раздражали ее, казались оскорбительными» (37).

Показательна рефлексия самого Д. Мережковского относительно подобного подхода к тексту:

«Если вы ищите в книге новых фактов, знаний, отпечатка исторической эпохи, поэзии или философской системы, то дневник Марка Аврелия даст вам немного. Это книга, более чем какая-либо другая, независима от условий места и времени, от всякой предвзятой системы, от требований литературного слога, от желания нравиться или открывать новые истины» (39).

Но если использовать ее так, как это делает автор статьи, т. е. отыскивая в ней «свои собственные, никому не высказанные мысли», тогда домысел оказывается уместным.

«Если же вы возьмете эту книгу в руки с искренней жаждой веры, с тревожной совестью и душою, взволнованной великими несмолкаемыми вопросами о долге, о смысле жизни и смерти, — дневник Марка Аврелия вас увлечет, покажется более близким и современным, чем многие создания вчерашних гениев. Вы почувствуете, что это — одна из тех бесконечно редких книг, которых сердцем не забываешь и о которых приходится вспоминать не в библиотеках, ученых кабинетах и аудиториях, а в жизни, среди страстей, искушений и нравственной борьбы. Эта книга — живая. Она может не произвести никакого впечатления, но, раз она затронула сердце, ее уже нельзя не любить» (40).

Эта декларация созвучна Предисловию к «Вечным спутникам» и объясняет способ работы Д. Мережковского с источниками, и не только к этой статье. Обратим внимание, что в статье «Марк Аврелий» их, в сущности, только два: научный труд об эпохе императора и его «Размышления», которые Д. Мережковский называет дневником. В «Марке Аврелии» автор находится как бы между двух текстов, задающих ему систему координат для собственных комментариев.

Статья «Плиний Младший», следующая за «Марком Аврелием», впервые была опубликована в 1895 г. под заглавием «Портрет из эпохи Траяна (Плиний Младший)»³⁶. Она вошла в книгу в первоначальной редакции, а ее название было унифицировано. Статья публиковалась М.В. Пирожковым в 1907 г. под одной обложкой со статьей «Марк Аврелий» и в составе «Вечных спутников» вошла в оба полные собрания сочинений. Пояснений, как и в предыдущей статье, требуют источники текста, а также эпиграф. В качестве него Д. Мережковский использовал фрагмент стихотворения А.С. Пушкина «К вельможе» (1830), который задавал тему статьи: «Так вихорь дел забыв для муз и неги праздной, / В тени порфирных бань и мраморных палат / Вельможи римские встречали свой закат...».

Поиск источников статьи «Плиний Младший» также оказывается затруднительным. Но, рассуждая по аналогии с предшествующей статьей, можно предположить, что их должно

³⁶ Мережковский Д. Портрет из эпохи Траяна (Плиний Младший) // Труд. 1895. № 11. С. 36–64.

быть два. Один – труд историка, в котором освещается эпоха Плиния, другой – его дневник или записки. Как известно, памятником той эпохи являются «Письма Плиния Младшего», потому логично думать, что они и были одним из источников этой статьи. Тем более, в начале второй главки статьи Д. Мережковский говорит, что Плиний

«... нарисовал себя в своих письмах, как художники, которые оставляют потомству собственные портреты. Нельзя кончить этой книги, не полюбив автора, открывающего свое сердце с такою благородною простотою» (47).

Следовательно, предположение по аналогии оказалось справедливым. Русский перевод «Писем» в ту пору еще не был осуществлен, потому Д. Мережковский цитировал доступное ему французское издание³⁷. Что же касается научного труда, воспользоваться которым мог писатель, то таких было несколько. Если иметь в виду круг чтения писателя и его интересов, – а об этом предположительно могут свидетельствовать его черновые записки к статье «Марк Аврелий», приведенные выше, – следует поначалу проверить труды, названные им самим. Среди них – исследования Т. Моммзена, которому принадлежит, в частности, и «Этюд о Плинии Младшем», опубликованный по-французски в 1873 г.³⁸ Таким образом, здесь, как и в статье «Марк Аврелий», также два основных источника.

Однако обратим внимание, что и в эту статью писатель вводит цитаты из трудов почитаемого им Э. Ренана. Одна из них – из книги «Евангелия. Второе поклонение христианства», а вторая, – хотя он и называет ее как источник, —

«Эта провинция, – говорит Ренан (*Les Évangiles*), – до тех пор управлялась крайне небрежно проконсулами, сменявшимися ежегодно, сенаторами, выбиравшимися по жребию. Официальный римский культ приходил в упадок, со всех сторон теснимый туземными религиями... Христианская вера, пользуясь распушенностью чиновников, которым было поручено сдерживать ее, распространялась на свободе, пускала все более крепкие корни» (65), —

из того же труда о Марке Аврелии, который он использовал для предшествующей статьи. Возможно, он цитировал по памяти или воспользовался выпиской с ошибочным указанием источника.

Цитаты из «Писем Плиния Младшего» примыкают друг к другу вплотную, авторский комментарий к ним занимает гораздо меньше места, чем в «Марке Аврелии». Интерес к «Письмам» Д. Мережковский объясняет тем, что они

«...дают нам всего человека, как дневник, как жизнеописательный роман, как исповедь» (68).

Видимо, «Письма.» играли для автора «Вечных спутников» ту же роль, что и «Размышления» Марка Аврелия.

Статья «Кальдерон» во всех редакциях книги занимает положение вслед за статьей «Плиний Младший». Она впервые вышла в свет в 1891 г. под заглавием «Кальдерон в своей драме. "Поклонение Кресту"»³⁹. Как и предшествующие статьи, она переиздана М.В. Пирожковым отдельно, под одной обложкой со статьей «Сервантес», и вошла в оба собрания сочинений писателя. При включении статьи в «Вечные спутники» Д. Мережковский провел существенную правку, изменил название, чтобы оно соответствовало другим названиям в

³⁷ Lettres de Pline le Jeune. Trad. par De Sacy: Nouvelle «édition revue et corrigée par Jule Pierrot. Paris. T. I, 1826. T. II, 1828.

³⁸ Mommsen Th. Etude sur Pline le Jeune. Trad. C. Morel. Paris, 1873.

³⁹ Труд. 1891. № 24. Т. XII. Окт. – Дек. С. 650–670.

его книге, снял подзаголовки к главам статьи, которые содержались в журнальной публикации.

Статья начинается с описания торжеств, посвященных Кальдерону:

«25-го мая 1681 года, в Троицын день, на сценах всех главных городов старой Испании – Мадрида, Толедо, Гренады, в ознаменование торжественного праздника, по обычаю, давались аллегорические драмы на сюжеты из Священного Писания. Эти мистерии назывались «*autos sacramentales*». Каждый большой город избирал любимого поэта и заказывал к предстоящему празднику *auto*, что в Испании считалось величайшим триумфом и почестью для драматурга.» (69–70).

Творчество Кальдерона в России в последней четверти XIX в. было известно недостаточно. Первым изданием его пьес в русском переводе был том в серии «Библиотека европейских писателей и мыслителей», издаваемой

В.В. Чуйко. В своей статье Д. Мережковский пересказывает вступительную статью к этому изданию, а затем подробно пересказывает и одну из пьес, «Поклонение Кресту», по этому же изданию⁴⁰. Обратим внимание, что и здесь он тяготеет к опоре на два источника: «научное» исследование и собственное произведение писателя, что в общем виде напоминает характер источников к двум выше названным статьям. Видимо, мы имеем дело с тенденцией, которая требует проверки и подтверждения.

При подготовке статьи к публикации в составе «Вечных спутников» Д. Мережковский исключил шесть довольно объемных фрагментов статьи, которые, в основном, касались сопоставления драматургии Кальдерона с творчеством античных трагиков и Шекспира, например:

«...Несмотря на все глубокое различие, есть одна черта, которая сближает великого испанского драматурга с древнегреческими трагиками. Кальдерон столь же, как Эсхил и Софокл и отчасти Еврипид, близок своему народу, своему времени, толпе зрителей по умственному настроению, по нравственным идеалам и требованиям. Кальдерон и Софокл по преимуществу поэты национальные. Они – часть народа. Меж ними и толпою еще не успел произойти разрыв. Они понимают толпу так же, как толпа понимает их. Они не стремятся быть выше своих современников, делят с ними силу и слабость, веру и предрассудки, добродетели и пороки. Беспредельность чувства и ограниченность знаний. Зато они не чувствуют себя такими одинокими, враждебными толпе непосвященных, такими оторванными от народа, как поэты более поздних цивилизаций. Эсхил так же наивно верит в сказания Гомера, в Олимпийских богов, как современная ему толпа древних афинян, смотревшая на «Евменид». Кальдерон так же наивно верит в чудеса средневековых легенд и могущество католических реликвий, как толпа испанцев XVII века, смотревшая на его драму "Поклонение Кресту". И тот, и другой, – дети толпы, они – воплощение народной души, они – голос народа. Национальность определяет и ограничивает их гений. В этом отношении Кальдерон ближе к греку Эсхилу, чем к Шекспиру, который был отделен от испанского драматурга только одним поколением. У Шекспира мы уже чувствуем ту безграничную свободу, которая составляет

⁴⁰ Кальдерон. Драматические произведения: Поклонение Кресту. Час от часу не легче. Алькад в Саламее. Библиотека европейских писателей и мыслителей, издаваемая В.В. Чуйко (Вторая серия. 1881. № 16. СПб., 1884).

краеугольный камень современного искусства. Он вполне понимает толпу, но толпа понимает его только отчасти» (769).

В процессе сокращения также были изъяты фрагменты статьи, в которых, как и в «Акрополе», содержались прямые обращения к читателю:

«Перед тем, чтобы приступить к изложению пьесы, я предупреждаю, что если вы отнесетесь к ней с философской критикой и современным скептицизмом, пожалуй, все эти чудеса, сверхъестественные события, старинные символы покажутся вам странными, и очарование исчезнет. Но, ради Бога, на одну минуту отрекитесь от ваших старых привычек мысли, не рассуждайте, не спорьте, чтобы показать умственное превосходство, не спрашивайте, "почему" и "как", приготовьтесь к самому невероятному, отдайтесь поэту, и если можно, поверьте всем его чудесам. Я введу вас в сумрак древнего католического собора. Прежде всего надо забыть насмешки Вольтера и "Логику" Милля, наших "трезвых" критиков 60-х годов, иначе вам будет скучно и вы ровно ничего не увидите. Закройте глаза, вздыхая странный, опьяняющий аромат этого экзотического цветка, этой средневековой чудовищной и прелестной мистерии.» (770).

В финале статьи Д. Мережковский цитирует высказывания двух критиков Кальдерона – Гёте и М. Каррьера. Речь идет о фрагменте из «Разговоров» в той части, где Гёте говорит о Шекспире и Кальдероне (запись от 25 декабря 1825 г.) и неточной цитате из книги М. Каррьера «Die Kunst im Zusammenhang der Kulturentwicklung u. Die Ideale der Menschheit»⁴¹.

Статья «Сервантес», следующая в «Вечных спутниках» за «Кальдероном», была впервые опубликована в «Северном вестнике» в 1889 г. под заглавием «Дон Кихот и Санчо Панса»⁴². Впоследствии она переиздавалась М.В. Пирожковым и вошла в оба полные собрания сочинений Д. Мережковского. При включении ее в «Вечные спутники» писатель не проводил правки, однако изменил название. Текст статьи, на первый взгляд, не требовал специальных пояснений, необходимо лишь указать издание, по которому он цитировал текст романа, и «раскрыть» цитаты. Однако русский перевод «Дон Кихота» вышел в свет позднее, чем статья Д. Мережковского, а переводы на другие языки могли быть источником цитат только при обнаружении каких-либо подтверждений этого. Автор сам дает ключ к поискам:

«Как относился Сервантес к своему герою? Можно сказать с уверенностью, что не признавал его громадного значения. Вот что говорит об этом замечательный знаток испанской литературы Луи Виардо в статье, предпосланной французскому переводу "Дон-Кихота".» (86).

Далее следует обширная цитата из статьи Л. Виардо. Поиски издания, которым воспользовался Д. Мережковский, дали возможность сделать несколько выводов. Перевод романа Сервантеса на французский язык, выполненный Л. Виардо, с его вступительным очерком выходил в свет дважды: I том в 1836 г., а второй – в 1838 г. (дата на обложке). Второе издание вышло в свет в 1869 г.⁴³ При обращении к этому изданию обнаружилось, что вся первая часть статьи Д. Мережковского является подробным пересказом очерка Л. Виардо, предпосланного переводу романа, а остальные – пересказом и анализом «Дон Кихота» по

⁴¹ В рус. пер. под названием «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества». Т.4. Возрождение и реформация в образовании, искусстве и литературе. М., 1870. С. 338–339.

⁴² Северный вестник. 1889. Кн. VIII. С. 1–19 и кн. IX. С. 21–43.

⁴³ Viardo Louis [trad.]. Michel de Cervantès. L'ingénieux hidalgo Don Quichotte de la Manche. Paris, 1836. Т. I; Т. 2, 1838. 2-е изд.: L'ingénieux hidalgo Don Quichotte de la Manche. Traduction De Louis Viardot, avec les dessins de Gustave Doré, gravés par H. Pissar. Paris, 1869. 2 vol.

тому же изданию. Таким образом, как и в «Кальдероне», он воспользовался двумя материалами – исследованием о Сервантесе и произведением писателя для выстраивания собственной концепции. Но если в «Кальдероне» он пересказал лишь часть биографического очерка, то в «Сервантесе» почти весь.

Статья «Монтань» следует в «Вечных спутниках» за статьей «Сервантес». Она впервые публиковалась в журнале «Русская мысль» в 1893 г.⁴⁴ Под одной обложкой со статьей «Флобер» была переиздана в 1908 г. М.В. Пирожковым и в составе «Вечных спутников» опубликована в обоих собраниях сочинений Д. Мережковского. При включении статьи в «Вечные спутники» писатель провел правку путем изъятия значительных фрагментов текста, снял названия главок, которые были в журнальном варианте. Он шел путем сокращения собственных комментариев к цитатам, например, таких:

«Эти простые, чудные слова до сих пор не утратили своей высокой нравственной красоты и могут служить лучшим выражением так медленно и трудно проникающей в человеческое сознание идеи терпимости: в этой поистине гениальной странице монтаневских *Опытов* звучит та же нота, как и в бессмертном трактате *О свободе* Дж. – Ст. Милля. Но Монтань на три века предупредил английского философа. Говоря о дикарях-людоедах, он замечает, что они все-таки человеколюбивее его сограждан и современников, потому что, по крайней мере, едят убитых: «не большее ли варварство поедать живых людей, разрывая на части орудиями пыток члены, полные чувствительности, сжигать несчастного на медленном огне, давать его связанного на съедение собакам и свиньям. что у всех нас делается на глазах не между старинными врагами, но между соседями и согражданами, и, что хуже всего, во имя благочестия и религии» (I, стр. 314). В такое-то время скромный перигорский дворянин, поселившийся в уединенном замке, неспособный к страстному увлечению, веселый и беззаботный дилетант, просвещенный помещик немного обломовского типа, осмелился провозгласить великий принцип терпимости и свободы мысли, осмелился быть предшественником Вольтера, будучи современником Варфоломеевской ночи.

За это одно, помимо всех остальных его заслуг, имя Монтаня, как имя одного из лучших старых друзей, никогда не изгладится из памяти человечества» (777).

Как и в случае со статьей «Марк Аврелий», у нас есть возможность видеть один из этапов работы над этой статьей. Б. Томашевский полагал, что «... нет всеобщих творческих рецептов. Изучая планы писателя, необходимо в первую очередь установить его приемы творчества и расценивать его творческие документы с точки зрения их роли в творческой лаборатории автора». Рукописные «Выписки и заметки о Монтане» свидетельствуют о том, как Д. Мережковский работал с источником. Первая часть автографа представляет собой выписки из свода «Опытов» издания 1870 г.⁴⁵ Писатель помечает номера страниц, а также темы рассуждений Монтаня или материал, важный для характеристики его личности. Приводим небольшой фрагмент «Выписок» без правок, которые он делал в ходе работы.

«I. Общие предварительные замечания относительно литературной формы, языка, художественных приемов. 129 – дилетант по теории. 199.

⁴⁴ Русская Мысль. 1893. Кн. II. Отд. XVI. С. 134–160.

⁴⁵ Essais de Michel de Montaigne: Texte original de 1580 avec les variantes des éditions de 1582 et 1587. Bordeaux: Fêret et Fils, 1870.

240. Любит искренность и простоту. 241 – ненавидит вычурность, ищет народность. 378. 400. II 61 – взгляд на народное творчество. 62; 159; 162; 170. II 51, 52 – строгость в отношении себя. 53; 54; 55; 56 – отзыв об нем Этьена Пакье. 79 – отсутствие произвольной быстрой находчивости 326, 327 – он слишком часто это повторяет, чтобы не видеть здесь кокетства. 336, 447 – он ценит свою оригинальность. Юмор Монтаня, незлобивый и грациозный. III 451 – шутит над любовью. Ирония III 453 II Литературные вкусы и наклонности Монтаня. 195. 237 – ненависть риторики. 239. 238. 346, 347, 368; 372 – критическое отношение к Цицерону. II 211, 212, 3, 4, 216. 217. 219. 220; 222, 3. III 443. IV 201 – любит и ценит красоту в искусстве. Чрезмерное поклонение древним. I 344, 345 – он совсем чужд идеи прогресса. II 41. III 52; 134. IV 137.

Фамильярность, отсутствие доктрины, синтеза и систематизации, как недостаток и типичность, жизненная яркость подробностей, как достоинство, связанное с этим недостатком.

I 121 – милый цинизм II 41. 216. 218. 219. III 55. 301. 394 – его поразительная искренность. 416. IV 3. -49 – сравнивает свои произведения с экскрементами. 197 неожиданный переход. 303 – мы узнаем даже такую мелочь, как он любит сидеть; здесь проявляется и фамильярность, и какое-то уж слишком заботливое, нежное отношение к собственной особе; то же на стр. 312. IV. Чужие влияния, которые имеет на себе Монтань. Материал для его «Опытов». I 72 Наблюдения во время путешествия; 142 – обширная традиция по этнографии; 243 Как воспитывали сам<ого> Монтаня. 244, <24>5. II 216; 372, 373 – влияние пирронизма. V Его влияние на последующие теории Руссо, Вольтера, Паскаля и др. II 79 – взгляд на ростки заимствований у Монтаня Руссо. 193. 208 – Эмиль. 230. 246 – Исповедь Руссо. 307 – идеализирует деизм; 308. – 358 – теория уединения Руссо.

II 342 – вред цивилизации. IV 262 – сладость терзаний – у Руссо то же самое. IV (продолжение) Из биографии Монтаня. IV. 177; 216, 217 – постоянная опасность, которая грозила многим в его время, – и от Короля и власти относительно телесной опасности. 242–3 – случай – нападение солдата и мужество, которым его победил Монтань. 244, 245 – случай с разбойниками, которых он тоже побеждает своим благородством. 260; 309 – отец воспитывает его в *народе*» (328–329).

Эти выписки требуют комментария, а также определения их места и роли в окончательном тексте статьи о Монтене. Очевидно, что номера обозначают том и страницу в издании, которым пользовался писатель. Одно из «сложных» мест приведенного фрагмента, при видимой простоте, это упоминание «отзыва об нем Этьена Пакье». Сведения об этом историке, поэте и полемисте можно почерпнуть в справочных изданиях, а вот его «отзыв» о Монтене, который имеет в виду Д. Мережковский, требует специальных разысканий. Они вывели к воспоминаниям и письмам Э. Пакье. Оказалось, что при встрече с Монтенем в Блуа в 1588 г. Э. Пакье упрекал его за использование французских слов на гасконский манер. Этот упрек он повторил в своем письме в 1619 г. к г-ну Пельже, советнику короля и главе Счетной палаты⁴⁶. Если этот «отзыв» сопоставить с предшествующими выписками Д. Мережковского («строгость в отношении себя») и контекстом «Опытов», где Монтень признает, в том числе, и несовершенство языка, которым пишет, то пояснение оказывается достоверным.

⁴⁶ Les lettres d'Estienne Pasquier. Paris, 1619. T. II. P. 377.

Второй автограф свидетельствует о знакомстве писателя с различного рода историческими материалами, которые вводили его в эпоху автора «Опытов» или содержали отклики на его книгу:

«Влияние древних в то время.

Что говорит король Генрих IV о впечатлении, произведенном на него Плутархом в переводе знаменитого Амио: (письмо к супруге Марии Медичи): «Клянусь Богом, вы бы не могли сообщить мне ничего приятнее того известия, с каким удовольствием вы читали Плутарха, – он в самом деле постоянно улыбается мне, как свежая новость – любить его все равно что любить меня, потому что он был наставником моего первого дюженного возраста. Моя добрая мать, которой я всем обязан и которая с такою любовью следила, чтобы я хорошо себя вел и не хотела (как она сама говорила) видеть в своем сыне знаменитого невежду, дала мне эту книгу в руки, едва только я успел выйти из возраста грудного ребенка. И эта книга как бы сделалась моей совестью и она нашептала мне на ухо много добрых правил и прекрасных советов для моей жизни и управления делами (Nizard. His <toire> de la littérature française T.1, p. 417–418).

О переводчике Amyot. Низар говорит: латинский язык ему был ближе знаком, чем французский... он обыкновенно сочинял проповеди, которые надо было сказать по-французски, на латыни и затем переводил их (420).

Главная заслуга Амио в том, что он доставил материал для Монтаня и таким образом содействовал оформлению этого замечательного ума» (425).

Вот что говорит сам Монтань о Плутархе:

«Мы невежды погибли бы, если б эта книга не извлекла нас из грязной лужи (bourbier); благодаря ей мы в настоящее время смеем и говорить и писать: дамы посредством нее имитируют школьные учебники. Амио наш молитвенник» (Essais, II ch. IV).

«Монтань не только первый в своей эпохе – он первый по старшинству из наших народных писателей, я понимаю тех, от которых образованному уму также трудно отделаться, как Монтаню от Плутарха».

Низар видит в Монтане первого писателя, который осмелился помериться с древними – Рабле был слишком ими опьянен, Кальвин был слишком теологом, Ронсар – брал только внешнюю форму, Амио – ограничился гениальными переводами. Монтань же ассимилировал <в> себе античное мирозерцание и вместе с тем остался вполне самостоятельным, не подчиняя ему своей оригинальности.

(430) Преобладание в Монтане латинского духа над греческим. Плутарх сам был под влиянием римских декадентов. Замечательно, что Монтань считает именно «*Георгики*» Вергилия (т. е. пастораль) величайшим произведением поэзии.

Паскаль утверждал, что «Опыты» Монтаня книга «вредная, безнравственная, полная слов грязных и позорных» – конечно с точки зрения католицизма.

— — — — —

По Низару весь XVIII век вышел из Монтаня: «Чем больше он стареет, тем больше слава его увеличивается». Но Низар говорит, что XIX век в противоположность XVIII восторгается главным образом не идеями Монтаня, а стилем. Для Низ<ара> Монтань – *величайший стилист*. Так ли это?

— — — — —

Паскаль сказал про Монтаня: «не в Монтане я нахожу то, что в нем вижу, но в самом себе» (*Ce n'est pas dans Montaigne, mais dans moi que je trouve ce que j'y vois*).

Паскаль о Монтане: «Laisser aux autres le soin de chercher le vrai et le bien; demeurer en repos; couler sur les sujets, de peur d'enfoncer en s'appuyant; ne pas presser le vrai et le bien, de peur qu'ils n'échappent entre les doigts, suivre les notions communes; agir comme les autres» (337–339).

Эти выписки в статью не вошли. Характеристика, которую Монтень дает самому себе и своей эпохе, является, вероятно, настолько исчерпывающей, что Д. Мережковский отказался от включения их в статью.

Статья «Флобер» во всех редакциях «Вечных спутников» помещалась вслед за статьей о Монтене. Впервые под заголовком «Флобер в своих письмах» она публиковалась в «Северном вестнике» в 1888 г.⁴⁷ Под одной обложкой со статьей «Монтань» перепечатана в 1908 г. М.В. Пирожковым и в составе «Вечных спутников» вошла в оба собрания сочинений писателя. Как уже говорилось, это была первая из написанных Д. Мережковским статей, вошедшая затем в книгу. В журнальной редакции автор указал источники, которые он использовал для ее создания – письма Флобера (1887) и его переписка с Жорж Санд (1884), что значительно упрощает работу комментатора⁴⁸. Однако при включении в «Вечные спутники» автор провел настолько существенную правку, что объем изъятых фрагментов журнальной публикации едва ли не равен объему самой статьи в окончательной редакции. Все правки, сделанные писателем, можно разделить на стилистические и содержательные. Стилистические, вероятно, были вызваны тем, что статья относится к ранним произведениям: правки отражают его неудовлетворенность тем, как написан этот текст.

Что же касается правок содержательных, то об их причинах судить можно только предположительно. Первая редакция статьи носила отчетливо социологический характер. Это в целом присуще ранним статьям писателя: мы будем говорить об этом ниже. Задачи же «Вечных спутников» были иными, и в соответствии с ними из текста изъятые распространенные рассуждения о разнице между Флобером как художником и как человеком и о тех неприглядных качествах его личности, которые неожиданно открываются читателю его писем. Например:

«Мы увидим, как жизнь отомстила Флоберу, который, оправившись от ложной, но необходимо вытекавшей из свойств его темперамента посылки: искусство выше жизни, мало-помалу дошел до отрицания ее смысла, до полного нравственного и политического абсурда: только в области этических

⁴⁷ Северный вестник. 1888. Кн. XII. Отд. 2. С. 27–48.

⁴⁸ Gustave Flaubert. Correspondance. Paris. 1887. Lettres de Gustave Flaubert a George Sand. 1884.

и социальных идеалов можно измерить громадность вреда, причиняемого человеческой личности ненормальным преобладанием художественного инстинкта. В силу именно этого нравственного дальтонизма, который является результатом "болезни гениальности", т. е. слишком отвлеченного эстетического отношения к жизни, такой чуткий писатель, как Флобер, не только не чувствует и не понимает красоты христианского учения, принципов милосердия, любви и равенства, но прямо ненавидит их, отрицает всеми силами души как что-то чуждое, враждебное, уничтожающее тот смысл жизни, в который ему хочется верить» (787).

Анализ источников этой статьи позволяет также судить о том круге чтения, который был характерен для Д. Мережковского этой поры. Он цитирует фрагмент из романа О. Бальзака «Утраченные иллюзии», пьесу В. Шекспира «Венецианский купец», трагедию А. Майкова «Два мира», «Легенду о св. Юлиане» в переводе И. Тургенева, строки из стихотворений А. Пушкина и М. Лермонтова. Творчеству всех, кроме Шекспира, впоследствии были посвящены статьи Д. Мережковского. Некоторые из них («Майков», «Пушкин», в последней редакции – «Тургенев») вошли в «Вечные спутники».

Статья «Ибсен» является единственной, впервые опубликованной в «Вечных спутниках». Однако нами были предприняты усилия по розыску ее первой журнальной публикации. Возможно, ее обнаружение является делом будущего и исследователям удастся ее установить. Статья переиздавалась в 1907 г. М.В. Пирожковым и в составе «Вечных спутников» вошла в оба собрания сочинений. Поиск источников этой статьи, а также подготовка необходимых пояснений способны поставить комментатора в тупик. Д. Мережковский оперирует таким количеством фактов, что остается впечатление обширнейших знаний о предмете исследования. Между тем, к моменту создания статьи сведений о жизни и деятельности Г. Ибсена было не так много, и можно предположить, что они собирались автором по крупицам из периодических изданий скандинавских стран или европейских публикаций. Он, правда, цитирует фрагмент письма Г. Ибсена к Г. Брандесу. Это дает возможный ключ к поиску источника, но обращение к его исследованиям, – а его собрание сочинений в 20 тт. было переведено на русский язык М.В. Лучицкой, – ответа на вопрос не дает. Собрание выходило в свет в СПб. в 1906–1914 гг., а статья об Ибсене написана в 1896 г.

Рассуждая по аналогии с предшествующими статьями, следовало искать научный труд об Г. Ибсене, написанный до этой даты, и собрание его пьес в русском переводе. Им оказалась книга Г. Йегера «Г. Ибсен (1828–1888). Биография и характеристика», переведенная с норвежского языка на русский К. Бальмонтом и вышедшая в свет в Москве в 1892 г. Ее текст широко использован, а местами пересказан в статье Д. Мережковского. Потому большинство пояснений, которых требует ее текст, это пояснения к тексту Г. Йегера, а не автора статьи. Д. Мережковский использует несколько культурных коннотаций, которых нет в тексте норвежского автора (строка «Новой песни» П.Л. Лаврова, диалог Платона «Федон», античные имена, библейская цитата и пр.) и, разумеется, дает собственное истолкование творчеству драматурга. Этой статьей в первой редакции «Вечных спутников» завершалась «иностранная» часть книги.

«Русскую» открывала статья «Достоевский». Она была опубликована впервые в журнале «Русское обозрение» в 1890 г. под заглавием «О "Преступлении и наказании" Достоевского»⁴⁹. Затем она публиковалась под одной обложкой с книгой «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893), переиздавалась вместе со статьями «Гончаров. Майков» в 1908 г. и входила в оба собрания сочинений Д. Мережков-

⁴⁹ Русское обозрение. 1890. Т. II. Кн. III. С. 155–186.

ского. При включении статьи в «Вечные спутники» автор изменил название, провел стилистическую правку и изъясл следующую преамбулу:

«Разбор всех произведений Достоевского – громадный и страшно трудный критический подвиг, принадлежащий более или менее отдаленному будущему. Предлагаемый очерк не более как простые, по возможности искренние заметки о впечатлениях читателя»⁵⁰.

В первой публикации статья датирована 24 декабря 1889 г. Как свидетельствует ее название в журнальной публикации, источником для статьи был роман Ф.М. Достоевского, текст которого цитировался по доступному Д. Мережковскому изданию. Определение источника цитат, таким образом, сложности не представляет. Но один из фрагментов текста требовал разысканий:

«Жюльен Сорель, – герой великого, но, к сожалению, мало известного в России романа Стендаля *Le Rouge et le Noir*⁵¹.» (184).

Речь идет о романе «Красное и черное» (1830), который, как пишет Д. Мережковский, к концу 1880-х гг. был в России мало известен. Обращение к истории его перевода на русский язык свидетельствует, что, действительно, ко времени создания этой статьи роман публиковался в России единственный раз в 1874 г. в сокращенном переводе и с кратким вступлением А.Н. Плещеева⁵².

Статья «Гончаров» впервые напечатана в журнале «Труд» в 1890 г. под заглавием «И.А. Гончаров»⁵³. Затем была опубликована вместе с книгой «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893), переиздавалась под одной обложкой со статьями «Достоевский. Майков» в 1908 г. и входила в оба собрания сочинений. Источниками статьи были произведения писателя («Фрегат Паллада. Очерки путешествия», романы «Обломов», «Обыкновенная история» и «Обрыв»). В тексте статьи цитируются произведения М. Лермонтова, А. Пушкина, а также «Одиссея» в переводе В.А. Жуковского.

Статья «Майков» впервые опубликована в том же журнале в 1891 г. под заглавием «А.Н. Майков»⁵⁴, также печаталась вместе с книгой «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», затем в составе главы «Пушкин – Кольцов – Майков» была напечатана в книге П. Перцова «Философские течения русской поэзии» (1896)⁵⁵. Она переиздавалась под одной обложкой со статьями «Достоевский. Гончаров» в 1908 г. и входила в оба собрания сочинений в составе «Вечных спутников». Текст статьи в журнальной публикации и в книге «Философские течения русской поэзии» отличается от текста в «Вечных спутниках». Автор изъясл из первоначального текста несколько фрагментов, некоторые сформулировал в другой редакции. Один из исключенных фрагментов посвящен сопоставлению творчества А. Майкова, А. Фета и Я. Полонского с поэзией предшественников и прямо к теме статьи не относился. Но он дает возможность видеть, в каком контексте молодой критик осмыслял творчество этих поэтов. Отдельные выводы, к которым он пришел, впоследствии повторены им в статьях «Пушкин» и «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». Приведем исключенный фрагмент полностью.

⁵⁰ Там же. С. 155.

⁵¹ «Красное и черное» (фр.).

⁵² Отечественные записки. 1874. Т. 213. № 3. С. 151–204; № 4. С. 391–428; № 5/ 6. С. 509–558.

⁵³ Труд, 1890. № 24. С. 588–612.

⁵⁴ Труд, 1891. № 4.

⁵⁵ О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. – СПб., 1893. С. 107–130; Пушкин – Кольцов – Майков // П. Перцов. Философские течения русской поэзии. – СПб., 1896. С. 315–335.

«Муза Пушкина и Лермонтова была не только музой красоты и природы, – она была музой человеческих страстей, борьбы, страдания, всего безграничного и бурного океана жизни. Муза Майкова, Фета и Полонского значительно сузила поэтическую программу Пушкина и Лермонтова. Она боится бурь исторических и душевных, слишком резкого современного отрицания, слишком болезненных и горьких сомнений, слишком разрушительных страстей и порывов. По-видимому, она возобновила в поэзии мудрое правило Горация о мере во всем, об «*aurea mediocritas*» <«золотой середине» – *лат.*>, и поклонилась античному идеалу. Это – муза тихих книгохранилищ, уединенных садов, музеев, семейного очага, спокойных и созерцательных путешествий, мирных радостей и невозмутимой веры в идеал. Положительно, люди эти внушают зависть своим здоровьем: тишина патриархального детства и вкусные хлеба помещичьих обломовских гнезд пошли им впрок. Нестареющие певцы, вдохновенные в 70 лет, они моложе молодых поэтов более нервного и мятежного поколения. Если собрать все печали и сомнения, которые отразились за полвека в произведениях Фета, Полонского и Майкова, если делать из этих страданий экстракт, то все-таки не получится даже и капли той неиссякаемой горечи, которая заключена в двенадцати строках лермонтовского: «И скучно, и грустно, и некому руку подать» и в пушкинском «Анчаре». Вот в чем ограниченность этого поэтического поколения. Увлеченное служением одной стороне искусства, оно произвольно отсекло от поэзии, как «злобу дня», не только преходящие гражданские мотивы, но и все, что составляет, помимо красоты, важнейшую часть наследия Пушкина и Лермонтова, т. е. *вечные страдания человеческого духа, мятежный, неугасающий огонь Прометея, восставшего на богов*. Форма осталась совершенной, содержание обеднело и сузилось. Пушкин и Лермонтов не менее жрецы вечного искусства, не менее артисты, чем Майков, Фет и Полонский, однако это не мешает Пушкину и Лермонтову быть современными и близкими к действительности, понимать и разделять все, чем страдало их поколение. Правда, жизнь их прошла не так спокойно и радостно. Они писали не только в тихих кабинетах, а также и среди горцев на Кавказе, и в цыганских таборах, и с декабристами дружили; не боялись ни бурь, ни пиров, ни вольных страстей, ни отрицания, ни дикой суровой природы, ни смертельных опасностей.

Если Пушкин и спасся благополучно (стихотворение «Арион»), то все-таки он побывал в грозе, он наслаждался бурей, он сам говорил, что есть упоение в «разъяренном океане» и «бездне мрачной на краю». В его песнях не потух, а был насильно потушен мятежный огонь; но все же в них остались крепость, величие и сила души, закаленной в опасностях.

Лермонтов тоже не даром сравнивал поэта с кинжалом, который не на одной груди провел страшный след и «не одну прорвал кольчугу». Поэт негодует на то, что теперь «игрушкой золотой он блещет на стене, увы! бесславный и безвредный!»

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк,
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья!

Фет, Майков и Полонский вынули клинок, но отнюдь не на голос мщенья, — они только очистили ржавчину и, не позаботившись наточить его, покрыли хитрыми узорами и надписями, украсили, как ювелиры, золотые ножны с небывалым великолепием драгоценными камнями и потом, считая задачу оконченной, повесили кинжал опять на прежнее место, чтобы он блистал не игрушкой, а удивительным произведением искусства, безвредный, но не бесславный.

Вкусы различны. Что касается меня, я предпочел бы, даже с чисто художественной точки зрения, влажные, разорванные волнами ризы Ариона самым торжественным ризам жрецов чистого искусства. Есть такая красота в страдании, в грозе, даже в гибели, которой не могут дать никакое счастье, никакое упоение — олимпийским созерцанием. Да наконец, и великие люди древности, на которых любят ссылаться наши *парнасцы*, разве были они чужды живой современности, народных страданий и «злобы дня», если только понимать ее более широко? Я уверен, что Эсхил и Софокл, участники великой борьбы Европы с Азией, предпочли бы, не только как воины, но и как истинные поэты, меч, омоченный во вражеской крови, праздному мечу в золотых ножнах с драгоценными камнями!...» (805–806).

Статья, опубликованная в «Философских течениях русской поэзии», вызвала неодобрительную реакцию самого поэта, который, по свидетельству П.П. Перцова, считал, что Д. Мережковский его «совсем не понял»:

«...он и понял только мои молодые — "языческие", как он говорит, — стихи, и понял их по-молодому. В молодости мы много не понимаем, что открывается нам только потом <...> Для меня же мои поздние писания, конечно, главные: в них я высказал опыт всей моей жизни, и я не могу сравнить с ними мои молодые, поверхностные стихи»⁵⁶.

На один из ее тезисов о том, что «Майков до конца своих дней в глубине души остался язычником, несмотря на все усилия перейти в веру великого Назарейнина», в подстрочном примечании откликнулся составитель издания, П.П. Перцов. Он писал:

«Здесь уместны, может быть, некоторые оговорки в заключениях уважаемого критика. Образ Сенеки в драме "Три смерти", стихотворения "из гностиков" и мн. др. не позволяет считать творчество Майкова исключительным воплощением языческого материализма. Мистические элементы вливаются, очевидно, широкою волною в эту поэзию. Да и сам "классицизм", от "Федона" и тускуланских бесед до неоплатоников, далеко не всегда ограничивал свои цели земными стремлениями. "Язычник", "классик", по справедливому диагнозу г. Мережковского, — *индивидуалист*, другими словами, Майков умел понимать и мистицизм древних, окрашивая свой индивидуализм идеалистическими цветами. Если в юных произведениях (в так называемой "антологии") он является певцом яркого материализма, то не следует забывать, что таково обычное настроение молодости. Наклонная ли к "язычеству" или к "христианству" — к индивидуализму, или к коллективизму, она одинаково удовлетворена еще землею. Наряду с ликующим песнопением языческой антологии, вспомним упрямый материализм наших наивных коллективистов-шестидесятников.

⁵⁶ Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902. — Л., 1930. С. 109.

Но с годами приходят иные требования. Как античный мир, стареясь, искал «неведомого» Бога, так ищет его и майковский Сенека, так смутно угадывают его гностические строфы. Конечно, жертвенник Павла в Афинах не разрешил загадки для Эллады – не решают ее и искания Майкова. Отдельная личность здесь идет тем же путем, каким шел некогда весь родственный ей народ. Песни Анакреона сменяются гимнами "Аполлодора Гностика" до чистого христианства, до мистического коллективизма. Здесь, действительно, далеко, но не ближе было и прежнее расстояние от первобытного эпикуреизма до элементарной суровости коллективистов. Это два разных духовных типа, две различные дороги... Не "орлиные крылья" нужны были музе Майкова, чтобы оторваться от классицизма, а лишь другое оперение. Не "бездна" отделяет античный мир от христианского – это две соседние области, хотя изолированные и закрытые друг от друга. Усилия Майкова "перейти в веру великого Назарянина" были больше чем бесплодны – они не нужны. Рядом с беззаботным эгоизмом Люция, рядом с мятежными порывами полупрозревшего Лукана, звучит высшая проповедь индивидуализма в устах Сенеки:

Смерть шаг великий! Верь, мой друг,
Есть смысл в Платоновом учении —
Что это миг перерождения.
Пусть здесь убьет меня недуг —
Но, как мерцание Авроры,
Как лилий чистый фимиам,
Как лир торжественные хоры,
Иная жизнь нас встретит – там!
В душе, за сим земным предлогом,
Проснутся, выглянут на свет
Иные чувства, роем целым,
Которым органа здесь нет.
Мы – боги, скованные телом,
И в этот дивный перелом,
Когда я покидаю землю,
Я прежний образ свой приемлю,
Вступая в небо – божеством!

Трудно представить себе более точное и яркое выражение мистики индивидуализма, и уже одной этой выписки достаточно, чтобы заметить всю неосторожность утверждения со стороны г. Мережковского, будто для античного мира "земное счастье являлось крайним пределом желаний", и певец его – влюбленный, как язычник, как индивидуалист, в "красоту плоти" – остался "равнодушным ко всему остальному". П. Перцов».

Включая статью в «Вечные спутники», Д. Мережковский не прислушался к размышлениям П.П. Перцова и изменений в эту часть не внес.

Статьей «Пушкин» книга «Вечные спутники» завершалась во всех редакциях. Впервые она была опубликована в книге «Философские течения русской поэзии» (1896)⁵⁷, печаталась отдельно в 1906 г. и была переиздана издательством «Общественная польза» в 1910 г.

⁵⁷ Перцов П. Философские течения русской поэзии. – СПб., 1896. С. 1–67.

В составе книги она вошла в оба собрания сочинений писателя. При ее включении в «Вечные спутники» писатель провел стилистическую правку, а также изъясил из текста некоторые фрагменты или дал их в иной редакции.

Как и в предшествующих случаях можно предположить, что писатель должен был опираться на два типа источников – книгу о А.С. Пушкине и его собственные произведения. В тексте содержится указание на возможный источник сведений о жизни и образе мыслей поэта:

«Впечатление ума, дивного по ясности и простоте, более того – впечатление истинной *мудрости* производит и образ Пушкина, нарисованный в *Записках Смирновой*. Современное русское общество не оценило книги, которая во всякой другой литературе составила бы эпоху» (230).

История текста «Записок А.О. Смирновой (Из записных книжек. 1826–1845 гг.)», опубликованных Л.Я. Гуревич в «Северном вестнике»⁵⁸, подробно описана С.В. Житомирской в сопроводительной статье к публикации в серии «Литературные памятники»⁵⁹. Текст «Записок», привезенный Л.Я. Гуревич из Парижа, не был подлинным, однако был принят Д. Мережковским за подлинный и стал основой его «пушкинской» концепции. При установлении источников цитат обнаружилось, что все наиболее сильные аргументы, приводимые писателем в подтверждение мысли о Пушкине как философе и мыслителе, взяты из недостоверного текста «Записок». Так, ложной является запись, касающаяся высказывания о поэте Николая I:

«Император Николай Павлович в 1826 году, после первого свидания с Пушкиным, которому было тогда 27 лет, сказал гр. Блудову: "Сегодня утром я беседовал с самым замечательным человеком в России"» (229).

Не соответствуют выверенному тексту «Записок» слова Баранта и Жуковского:

«Французский посол Барант, человек умный и образованный, один из постоянных собеседников кружка А.О. Смирновой, говорил о Пушкине не иначе, как с благоговением, утверждая, что он – "*великий мыслитель*", что он мыслит, как опытный государственный муж". Так же относились к нему и лучшие русские люди, современники его: Гоголь, кн. Вяземский, Плетнев, Жуковский. Однажды, встретив у Смирновой Гоголя, который с жадностью слушал разговор Пушкина и от времени до времени заносил слышанное в карманную книжку, Жуковский сказал: "Ты записываешь, что говорит Пушкин. И прекрасно делаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебе ее заметки, потому что каждое слово Пушкина драгоценно. Когда ему было восемнадцать лет, он думал как тридцатилетний человек: ум его созрел гораздо раньше, чем его характер. Это часто поражало нас с Вяземским, когда он был еще в лицее"» (229–230).

«Барант сообщает Смирновой после одного философского разговора с Пушкиным: "я и не подозревал, что у него такой религиозный ум, что он так много размышлял над Евангелием". "Религия – говорит сам Пушкин – создала искусство и литературу, – все, что было великого с самой глубокой

⁵⁸ Записки А. О. Смирновой (Из записных книжек. 1826–1845 гг.). – СПб.: Изд. ред. «Северного вестника», 1895, ч. 1.

⁵⁹ А.О. Смирнова-Россет. Дневник. Воспоминания. Изд. подг. С.В. Житомирская. – М.: Наука, 1989 (серия «Литературные памятники»).

древности: все находится в зависимости от религиозного чувства... Без него не было бы ни философии, ни поэзии, ни нравственности"» (261).

В подлинном тексте «Записок» нет следующих свидетельств А.О. Смирновой:

«Nathalie неохотно читает все, что он пишет, — замечает А.О. Смирнова, — семья ее так мало способна ценить Пушкина, что несколько более довольна с тех пор, как государь сделал его историографом Империи и в особенности камер-юнкером. Они воображают, что это дало ему положение. Этот взгляд на вещи заставляет Искру (Пушкина) скрежетать зубами и в то же время забавляет его. Ему говорили в семье жены: *наконец-то вы, как все!* У вас есть официальное положение, впоследствии вы будете камергером, так как государь к вам благоволит» (236).

«Незадолго перед смертью он говорил Смирновой, собиравшейся за границу: "увезите меня в одном из ваших чемоданов, ваш же боярин Николай меня соблазняет. Не далее как вчера он советовал мне поговорить с государем, сообщить ему о всех моих невзгодах, просить заграничного отпуска. Но все семейство поднимет гвалт. Я смотрю на Неву, и мне безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароход... Если бы я это сделал, что бы сказали? Сказали бы: он корчит из себя Байрона. Мне кажется, что мне сильнее хочется уехать *очень, очень далеко*, чем в ранней молодости, когда я просидел два года в Михайловском, один с Ариной вместо всякого общества. Впрочем, у меня есть предчувствия, я думаю, что уже недолго проживу. Со времени кончины моей матери я много думаю о смерти, я уже в первой молодости много думал о ней"» (237).

Не соответствует действительности и такой рассказ:

«Незадолго до смерти он увидел в одной из зал Эрмитажа двух часовых, приставленных к *Распятию* Брюллова. "Не могу вам выразить, — сказал Пушкин Смирновой, — какое впечатление произвел на меня этот часовой; я подумал о римских солдатах, которые охраняли гроб и препятствовали верным ученикам приближаться к нему". Он был взволнован и по своей привычке начал ходить по комнате. Когда он уехал, Жуковский сказал: "Как Пушкин созрел и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я"» (261).

В текст статьи Д. Мережковского вошли также недостоверные сообщения о нереализованном замысле поэмы «Стенька Разин», слова Пушкина о Петре I, который был «революционер-гигант» и «гений», а также о недостатках поэзии А. Мицкевича, подражавшего Байрону больше самого Пушкина.

Для Д. Мережковского были важны взгляды поэта и в контексте споров об исторических путях России. Он выписывает из «Записок» и комментирует следующее высказывание:

«У Смирновой на утверждение Хомякова, будто у русских больше христианской любви, чем на Западе, Пушкин отвечает с некоторою досадою: "Может быть, я не мерил количества братской любви ни в России, ни на Западе, но знаю, что там явились основатели братских общин, которых у нас нет. А они были бы нам полезны". Или, другими словами, Пушкину представляется непонятным, почему Россия, у которой был Иван Грозный, ближе к идеалу Царствия Божия, чем Запад, у которого был Франциск Ассизский. Здесь Пушкин возражает не только Хомякову, но и Достоевскому:

"если мы ограничимся – прибавляет он далее – своим русским колоколом, мы ничего не сделаем для человеческой мысли и создадим только "приходскую литературу"» (291), —

которого также в выверенном тексте нет.

Второй источник – произведения самого поэта. Они подобраны так, что подтверждают свидетельства А.О. Смирновой, потому, вероятно, автор статьи не заметил противоречий в «Записках» и очевидных анахронизмов. Их отметил и проанализировал один из первых рецензентов «Вечных спутников», В.Д. Спасович. Он опубликовал обширную рецензию на книгу. Она писалась по тезисам плана, в котором, на наш взгляд, в концентрированном виде выразилось его мнение.

«Тезисы мои для беседы о "Вечных спутниках" – тезисы к лекции о Мережковском.

1) Необходимость исключить из нее других – Акрополь, Лонгуса, Плиния Младшего, А. Майкова и Гончарова.

2) Возражение против субъективной критики. Критика всегда субъективна, так как она передает читателю только прочувствованное критиком. Если он переделывает по-своему историческую истину, то она фальшь и сочинительство.

3) Д. Мережковский не только эстет, но и откровенный социолог. Его социология определяется следующими чертами:

а) он язычник эллинского пошиба, проникнутый аристократизмом,

б) он и сердобольный христианин первых веков, одинаково восхищающийся и несогласимыми субъектами, например, Кальдероном и Достоевским,

в) он старается помирить язычество и христианство посредством вывода о необходимости возврата от культуры к первобытному праздному состоянию,

г) он не намерен одного – опроститься подобно Льву Толстому,

д) он остается только фрондирующим анархистом, завербовавшимся под знамя Ибсена. Неверность понимания идеи Гедды Габлер.

4) г. Мережковский выводит Пушкина в никогда небывалые гении. Для поднятия его на мировую высоту он пользуется Записками А.О. Смирновой, не отделив в них исторического взгляда от сказочного.

5) Записки А.О. Смирновой содержат множество анахронизмов и невероятностей. Записки велись беспорядочно и притом переработаны О.А. Смирновой дочерью с личными от нее самой прибавками. Слова, суждения и речи Пушкина не только не напоминают его манеру, но очевидно придуманы, и даже пошловаты. Пушкин в записках умален. Император Николай низведен также с высоты и представлен буржуазным добряком. Невероятность интимных отношений императора к Пушкину по запискам.

6) Невероятность того, что говорится в Записках про смысл Анчара. Трагическое положение Пушкина под конец его жизни. Причины, влиявшие на его подавленность, незамеченные А.О. Смирновой и обозначенные г. Мережковским. Неверное понимание им из VI Пиндемонти.

7) Д. Мережковский изобразил Пушкина не настоящего, а по своему образцу выкроенного. Неверный его вывод о двух разных идеалах, якобы одновременно преследуемых Пушкиным: языческом и христианском. *В. Спасович*.⁶⁰

В рецензии он писал, что

«Г-н Мережковский не потрудился разобрать "Записки", пропустить их через фильтр критики, но берет целиком все, что в них написано, на веру, как настоящую истину, и упрекает современников, что они замалчивают книгу, которая во всякой другой литературе составила бы эпоху, вследствие чего держится еще и ныне то мнение, якобы поэзия Пушкина есть только прелестная, но легковесная вакханочка. Современники не решаются признать, что, судя по запискам Смирновой, Пушкин рассуждал о философии, религии, судьбах России, о прошлом и будущем человечества. В беседах с друзьями и Смирновой Пушкин бросал семена будущей, еще не существующей культуры, давал заветы будущему просвещению. Нередко у Смирновой Пушкин излагал мысли, которые сквозят и в оставшихся его отрывках, письмах, дневниках или черновых его рукописях, – словом, он является серьезным человеком и глубоким, всеобъемлющим мудрецом, имеющим своеобразное мирозерцание. Так как г. Мережковский никакой критике "Записок Смирновой" не подверг, то нам приходится остановиться на вопросе: какую ценность могут иметь эти записи в смысле исторического источника? Какую историческую достоверность представляет то, что в записках этих рассказано? Позволю себе привести несколько почерпнутых из записок образчиков, в которых передаются вещи либо маловероятные, либо небывалые и совершенно невозможные» (660).

В.Д. Спасович дает развернутый анализ свидетельств, собранных в «Записках». Он подвергает проверке и оценке несколько фрагментов текста и указывает на несоответствия, расхождения с известными фактами. Отвечает он и на вопрос о том, как родился этот текст, и что было причиной домислов в нем.

«Не подлежит сомнению, что в доме Смирновых поклонение Пушкину, пока он жил, было глубокое, а по его смерти память о нем хранилась свято; этот культ Александра Осиповна Смирнова передала и дочери, Ольге Николаевне. Бессознательно и постепенно в воспоминания прошлого вплеталось и все то, что обе Смирновы узнавали о Пушкине либо вчитываясь в его произведения, либо следя за тем, что было о Пушкине другими писателями печатаемо. К несомненно достоверному присовокуплялось сказочное из наслоившихся постепенно налетов. Смешению достоверного с легендарным содействовала в значительной степени беспорядочность записей. Ни одна из этих записей не имеет числа и года; они перемешаны хронологически и позаимствованы из альбомов, записных книжек, клочков бумаги, писем и беглых заметок» (663–664).

Недостоверность текста «Записок» в проанализированных им фрагментах позволяла В.Д. Спасовичу поставить под сомнение достоверность цитируемого Д. Мережковским материала и выводы, к которым он пришел, опираясь на него:

⁶⁰ Спасович В.Д. Тезисы мои для беседы о «Вечных спутниках» – тезисы к лекции о Мережковском // РО ИРЛИ РАН. Арх. В.И. Вейнберга. Ф. 62. Оп. 3, № 444, лл. 62–63. Публикуются впервые.

«Раз доказаны подделки и сочинительство в некоторых частях "Записок", то по каждой лично до Пушкина относящейся подробности ставится вопрос: не подделана ли она? А так как ни от одной из них не веет пушкинским духом, то они становятся сомнительными и должны быть устранены, а в числе их в особенности такие, которые умаляют значение Пушкина и представляют его в жалком или пошлом виде. <...> Так как г. Мережковский избрал ее, однако, своим главным проводником, то по ее указаниям он написал портрет заведомо неверный, с полным смешением эпох Александровской и Николаевской, с подведением обеих эпох под один знаменатель и без всякого соображения с радикально изменившейся общественной обстановкою своего сюжета. Его этюд писан, так сказать, на китайский манер, без всякой перспективы. Он вообразил себе Пушкина как человека, не менявшегося в убеждениях и вкусах и имевшего во всю жизнь цельное мирозерцание, которого только он не успел, по недостатку времени, вполне достаточно выразить, но которое выводит сам критик по преданиям А.О. Смирновой» (666–667).

Цитаты из произведений А.С. Пушкина, из его статей и писем занимают существенную часть статьи Д. Мережковского. Как и в других главках «Вечных спутников», автор идет путем их комментирования и интерпретации. Однако его представления о месте и роли поэта в русской литературе потребовали ввода в текст цитат из статей Н.В. Гоголя, произведений А.Н. Майкова, Ф.М. Тютчева, упоминания Пушкинской речи Ф.М. Достоевского, произведений и трактатов Л.Н. Толстого, Ф. Ницше. Отдельный пласт составляют упоминания имени и произведений Гёте, а также цитаты из них. Сличение первопечатной редакции статьи «Пушкин» с вошедшей в «Вечные спутники» свидетельствует о том, что автор шел путем сокращения широких сопоставлений пушкинского творчества с творчеством Гёте. Например,

«Примирение, которое находит создатель "Фауста", может быть, уже не вполне утоляет современные "две души". XIX век с Шопенгауэром, Достоевским, Львом Толстым, Фридрихом Ницше прошел для нас не даром. Мы присутствуем при муках разлада и раздвоения, более глубоких, чем те, которые преодолевает Фауст, мы предчувствуем возможность примирения более всеобъемлющего и гармонического, чем то, которого достигает Гёте. Но во всяком случае Гёте первым выразил борьбу двух начал в создании, имеющем мировое значение, первый сделал великую, сознательную попытку их примирения. В отношении сознательности Гёте выше всех представителей Итальянского Возрождения, в котором также христианское и языческое начало мгновениями достигало равновесия и гармонии, *но всегда помимо их воли, помимо их сознания*. Гёте выше величайшего из них – того, с кем германский поэт имеет так много сходного, по олимпийскому спокойствию, по геометрической точности ума, по дивному синтезу искусства и науки, – я разумею Леонардо да Винчи. Гёте пошел по пути, указанному создателем «Тайной Вечери», показал, что искусство и наука, синтез и анализ, вдохновение и разум вытекают из одного источника, служат одной цели, что самый яркий свет сознания, направленный в высшие области художественного творчества, не ослабляет, а напротив усиливает его, углубляя бездны, раздвигая пределы бессознательного. Но Гёте жил три века спустя после Винчи; он должен был пойти дальше: ясную разуму сознания, слова, вечного Логоса, автор

"Фауста" дал тому, что автору "Codex Atlanticus" только смутно мерещилось сквозь немые пророческие образы его пророческих снов, – т. е. единству, побеждающему двойственность я и не-я, знания и веры, язычества и нового мистицизма.

Но, с другой стороны, у Пушкина, который уступает германскому поэту в отношении сознательности, есть одно великое преимущество перед Гёте. В лучших созданиях Гёте встречаются места не живые, от которых веет не высшим метафизическим, а бесплодным, рассудочным холодом. Спокойствие превращается в окаменелую неподвижность, живая ткань истории в археологию, символ в аллегорию. Гёте слишком ограничил и обуздал первобытную стихию – то, что он сам в природе своей называет демоническим. Недостаток примирения языческого и христианского мира во второй части "Фауста" заключается в том, что это примирение только отчасти органическое слияние: в значительной же мере просто внешнее, рассудочное, механическое соединение. Для того, чтобы примирить две враждующие стихии, Гёте, если и не насилует их, то по крайней мере охлаждает, доводит до неподвижности, кристаллизует, так что слишком часто языческое переходит у него в аллегорию, мифологию, христианство – в схоластическую теологию. Этого недостатка у Пушкина нет» (823–824).

Думается, исключенные фрагменты могут представлять ценность при решении вопроса о месте и роли творчества Гёте в наследии Д. Мережковского. При включении статьи в книгу «Вечные спутники» также были изъяты фрагменты, в которых творчество А. Пушкина соотносится с произведениями его последователей.

«До какой степени героическая сторона поэзии Пушкина не понята и презрена, ясно из того, что два величайших ценителя Пушкина – Гоголь и Достоевский, точно сговорившись, не придают ей ни малейшего значения. Как это ни странно, но, если говорить не о школьных учебниках, не о мертвом академическом признании, Пушкин, единственный певец единственного героя в стране Л. Толстого и Достоевского, в стране русского нигилизма и русской демократии, до сих пор – забытый певец забытого героя» (825).

Характер исключенных фрагментов, с одной стороны, свидетельствует о попытке Д. Мережковского сократить то, что не имеет непосредственного отношения к анализу личности и творчества А. Пушкина, а с другой, – о том, что уже в пору работы над этой статьей он видел творчество поэта в специфическом контексте. О его особенностях мы будем говорить в связи с книгой «Л. Толстой и Достоевский».

История текста «Вечных спутников» ставит еще одну проблему. Касается она принципов отбора статей в книгу и порядка их размещения в ней. Как уже говорилось, состав книги несколько раз менялся. Готовя к публикации «Вечные спутники» в собрании сочинений в 17 тт., Д. Мережковский исключил из книги статью «Дафнис и Хлоя». В собрании сочинений в 24 тт. состав книги изменился существенно. Место этой статьи заняла «Трагедия целомудрия и сладострастия», между статьями «Сервантес» и «Монтань» в «иностранной» части помещалась статья «Гёте», а между статьями «Гончаров» и «Майков» – «Тургенев».

Статья «Трагедия целомудрия и сладострастия» впервые публиковалась в журнале «Мир искусства» в 1899 г.⁶¹ По характеру она так же мало соответствует общему строю «Вечных спутников», как и «Дафнис и Хлоя». Она напоминает статью «Вместо предисло-

⁶¹ Мир искусства. 1899. Т.1. №№ 7–8.

вия к трагедии Софокла "Эдип-царь", опубликованную позднее в «Вестнике иностранной литературы»⁶² в качестве вступительной к переводу трагедии, осуществленному Д. Мережковским. Но, вероятно, те задачи, которые писатель ставил перед собой, переводя античных трагиков и стремясь изменить характер русского театра, побуждали его включить статью «Трагедия целомудрия и сладострастия» в книгу. Трагедия «Ипполит» Еврипида в переводе Д. Мережковского цитируется и пересказывается в этой статье. Что же касается статей «Гёте» и «Тургенев», то само их создание и включение в последнюю редакцию «Вечных спутников» представляется логичным и оправданным. Их имена постоянно возникали в статьях о других писателях, кроме того, они написаны после выхода в свет книги «Л. Толстой и Достоевский», в тексте которой имена Гёте и Тургенева являются почти такими же важными, как и имена писателей, которым посвящена книга.

Статья «Тургенев» была прочитана на Тургеневском вечере 19 февраля 1909 г. и опубликована в газете «Речь» 22 февраля. Впоследствии автор включил ее в сборник «Больная Россия» (1910) и в последнюю редакцию «Вечных спутников». Характер источников статьи свидетельствует, что образ писателя возникает из соотнесения с Л. Толстым, Ф. Достоевским и Гёте. Причем отсылки к их творчеству, требующие пояснений:

... «"звериный крик, вой, рев" рожающей Кити...

У Гёте Пандора, впервые увидев соединение любовников, спрашивает своего творца, Прометея: "Что это?" – и тот отвечает: "Это – смерть"...

Толстовское опрощение, надежда спасти Россию "по-мужицки, по-дурацки" есть тоже форма нигилизма. И у Достоевского в его высокомерном презрении к "безбожному, гнилому Западу"». (304),

побуждают не только указать источники цитат, но и привлечь контекст, в котором они несколько раз приводятся в исследованиях, написанных ранее. Источником для статьи являются произведения И. Тургенева, а вот книгу о нем другого исследователя писатель не использует. В статьях Д. Мережковского о И. Тургеневе источники как бы разделились: его собственные произведения интерпретируются в статье «Тургенев», а воспоминания о писателе стали основой другой статьи – «Поэт вечной женственности».

Статья «Гёте» была впервые опубликована в газете «Русское слово» в 1913 г.⁶³, а затем была включена в последнюю редакцию «Вечных спутников». М. Ермолаев ошибался, когда полагал, что она входила в книгу уже в первом издании⁶⁴. Источников у статьи снова два: произведения Гёте и первое русское издание «Разговоров Гёте, собранных Эккерманом» в переводе с немецкого Д.В. Аверкиева, о котором мы уже говорили. Один из этапов работы Д. Мережковского над статьей зафиксирован в рукописном автографе «Гёте». По типу он напоминает «Выписки и заметки о Монтане». Выписки к статье «Гёте» были сделаны Д. Мережковским из русского двухтомного издания «Разговоров». Автор помечал том и страницу, на которых расположены цитаты. Выпискам из «Разговоров» предпослан план из 6 пунктов, согласно которому написана статья.

«Наружность Гёте. "Орлиные очи". Самая целительная из книг. Наполеон и Гёте. "Vous êtes un homme. Das war ein ganzer Kerl!". Вечная юность. Влюбленность. Мариенбадская элегия. Связь с природой.

Каменный гость. Смерть герцога и герцогини. Страдание. Гёте несчастный. "Wer nie sein Brot mit Tranen aß". "Вся моя жизнь – труд и

⁶² Вестник иностранной литературы. 1893. № 1.

⁶³ Русское слово. 1913. № 144. 23 июня.

⁶⁴ Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Подг. текста, послесл. М. Ермолаева. С. 591.

забота". Смерть сына. Non ignoravi me mortalem genuisse. "Вперед! Вперед по могилам".

Безобщественность. Спор Кювье с Сент-Илером в Париж<ской> Академии и Июльская революция.

Бог – в природе. Малиновка. Вездесущие Божие. Гёте и христианство. Религия бессмертия. Энтелехия, монада. Лай собаки. Смерть Гёте. "Передо мной лежал совершенный человек"

Л.Толстой и Гёте. Почему нам, русским, урок этот особенно важен. Наши сомнения в кумире. "Свет христов просвещает всех". *Ангел в II ч. "Фауста"*: "Wer immer strebend sich bemüht, der können wir erlösen". Здесь "Ключ к спасению Фауста" – и спасению Гёте» (339).

В ходе работы над статьей некоторые фрагменты «Разговоров» заняли иное, в сравнении в первоначальном замысле, место, однако автор в целом оставался в пределах своего плана. Большая часть выписок вошла в окончательную редакцию статьи. Приведем фрагмент из «Мелочей для вступления»:

«I. 219 – "Шекспир подал нам золотые яблоки в серебряных чашках. Но беда в том, что мы приобретаем серебряные чаши и валим в них картофель".

Разговоры Гёте – самая здоровая, самая целительная из книг. Ср. с диалогами Сократа, особенно Федоном. Если бы спросил ни во что не верующий и потерявший смысл жизни человек, какую книгу читать, – я бы сказал: Разговоры Гёте.

321. – "Все благородные по природе".

324. – "Мы, как бильярдные шары, катимся по земному полю: когда им случается столкнуться, они еще дальше отскакивают друг от друга".

II – 17. – "Ваше превосходительство, высказываете великие вещи, и я счастлив, что слышу их".

69. – "Правда – алмаз, от которого лучи расходятся не в одну, а во многие стороны".

135. – "Я всегда в стороне от философии: точка зрения здравого человека, рассудка была моею". Не философ, не ученый, а *мудрец*.

Карл. 257. —

Wie das Gestirn,
Aber ohne Rast,
Drehe sich jeder
Um die eigne Last.

Подобно светилу
Без торопливости
Но без усталости
Каждый вращайся
Вкруг собственной тяжести.

Вечная юность. I. 40. – Влюблен в 70 л<ет>. Мариенбадская элегия. Прицепил шелковый шнурок к сафьяновому переплету.

42. – Весь был исполнен веселости, силы и молодости. 55. – Мариенб<адская> эл<егия> Сидел в белом фланелевом шлафроке, и ноги у

него было завернуто в шерстяное одеяло. 57. Старость – причина болезни. 64. – "Надо часто делать глупости, чтобы возыметь смелость прожить еще".

I. 181–182. – Наружность Гёте по Теккерю. "Необыкновенно черные, блестящие, пронзительные глаза – как у *Мельмота путешественника*, который заключил договор "с некоторым лицом". Я ощущал перед ним страх." – "Орлиные очи". – Все I. 16. – "Мужественное загорелое лицо в складках, и каждая складка полна выражения" лицо в глубоких складках – морщинах, полное выражения. Странно, жутко – молодые юношеские глаза в старом, древнем лице. "Гёте стариком был еще красивее, чем молодым человеком". В них – «демоническое», божеское для нас, грешных или бесовское для благочестивого христианина.

Каменность, тяжесть и холод нездешний.

"О тяжело пожатье каменной его десницы!"» (340, 342).

Русское издание «Разговоров» Д. Мережковский «разобрал» на цитаты. Они использованы в его статье «Гёте», а также в целом ряде предшествующих ей и следующих за ней исследований.

Последняя прижизненная редакция «Вечных спутников» свидетельствует о переменах, произошедших в представлениях писателя о роли и значении тех или иных имен для современного ему поколения читателей. Отбор статей для включения в первое издание также показателен, ведь к моменту его выхода в свет Д. Мережковским было создано двадцать шесть статей, а вошло в книгу только тринадцать. Б. Томашевский писал, в этой связи, что

«мы вряд ли сможем делать какие-нибудь слишком широкие обобщения и принуждены рассматривать историю текста всегда в строго индивидуальных рамках, особо для каждого автора и для каждого произведения. <...> Самый замысел, как и текст произведения, иногда эволюционирует. Написав одно, в процессе творчества писатель иногда отходит от первоначального намерения и пишет произведение, достаточно далекое от той цели, к которой первоначально устремлялся»⁶⁵.

Предположительно судить о намерениях писателя можно на основании истории текста статей, не вошедших в «Вечные спутники».

Их условно можно разделить на две группы. Первую из них составляют статьи обзорные, посвященные ряду произведений или какому-либо явлению определенного периода развития литературы. Видимо, они писались на заказ и ради заработка. Ко второй можно отнести статьи, напоминающие те, что вошли в «Вечные спутники». Настоящая проблема состоит в том, чтобы установить причину, по которой они не были включены в книгу, ведь их цель, а также способ работы с источником весьма сходны с главами этой книги. Часть ответа на этот вопрос содержится в Предисловии к книге, где автор ссылается на субъективную внутреннюю связь, которая существует между ними. Вероятно, ни Руссо, ни Бальзак или Мишле, на творчество которых он смотрел большей частью с социологической точки зрения, на роль «вечных спутников» не подходили.

Первой статьей, опубликованной Д. Мережковским, была статья «Старый вопрос по поводу нового таланта ("В сумерках" и "Рассказы" Чехова)». Она впервые напечатана в «Северном вестнике» в 1888 г. Источником цитируемых и пересказываемых фрагментов, как следует из подзаголовка, были два сборника рассказов А.П. Чехова⁶⁶. Фрагменты из произве-

⁶⁵ Томашевский Б. Писатель и книга. С. 69, 74.

⁶⁶ См. подробный анализ истории текста и комментарии: А.П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы (Изд. подг. Г.П. Бердников, А.Л. Гришунин). Серия «Литературные памятники». – М.: Наука, 1986.

дений Чехова перемежаются в тексте цитатами из произведений Пушкина, Е. Баратынского, Н. Некрасова, Я. Полонского, А. Майкова и Ф. Шиллера (в пер. В. Жуковского), вводимые по сходству темы. Эта статья при жизни писателя не переиздавалась.

Статья «Руссо» вышла в свет после статьи «Флобер в своих письмах» в журнале «Русское богатство» в 1889 г.⁶⁷ Судя по характеру цитируемых фрагментов можно предполагать, что автор воспользовался доступным в то время изданием произведений Руссо, не адекватным современному научному изданию⁶⁸. Источниками статьи стали произведения и трактаты Руссо («Исповедь», «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», «О политической экономии», «О рабстве», «Рассуждение по вопросу: Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов» и пр.), которые цитируются и пересказываются в статье. В журнальной публикации частям статьи были даны подзаголовки: «I. Характер Руссо», «II. Отношение Руссо к привилегированным классам», «III. Отношение Руссо к народу», что напоминает расположение материала в журнальных публикациях статей, составивших «Вечные спутники» («Кальдерон», «Монтань» и др.). Статья «Руссо» при жизни писателя не переиздавалась.

«Рассказы Вл. Короленко» была впервые опубликована в журнале «Северный вестник» в 1889 г.⁶⁹ Характер осмысления Д. Мережковским произведений писателя вызвал негативные отклики критики, причем в рецензии «Русской мысли» были осмеяны специфические особенности работы автора с текстом:

«...построить все произведения по внешним признакам в две шеренги, сделать им наружный смотр, одну сплошь оштрафовать за оторванные пуговицы, другую сплошь наградить орденами...»⁷⁰.

Ко времени создания статьи вышло в свет два издания книги В. Короленко «Очерки и рассказы»⁷¹. Во второе издание включен этюд «Слепой музыкант». Некоторые заглавия его рассказов не соответствуют известным сегодня и упоминаются под названиями первых публикаций: «По пути» («Федор Бесприютный»), «В подследственном отделении» («Яшка»), «Из рассказов о бродягах» («Соколинец»), «Убивец» («Очерки сибирского туриста»). В статье речь идет также о произведениях, публиковавшихся в периодических изданиях: «За иконой»; «По пути (Святочный рассказ)»; «Ночью»; «Убивец»⁷². В статье фрагменты рассказов писателя цитируются, контаминируются, пересказываются и комментируются. Иногда автор путается в источниках цитат, называя вместо одного рассказа другой, или приводя неверные выходные данные его публикации, например:

«В четырех стенах за решеткой и на верхушках гольцов, где над головой носятся орлы и тайга шумит без конца, как море, – всюду он чувствовал себя дома, импонируя товарищам самоуверенностью и спокойствием. Удаль его побегов вызывала восторженное удивление, но вместе с тем на его слово начальство полагалось больше, чем на самый многочисленный конвой. Было что-то, придававшее особенный смысл

⁶⁷ Русское богатство. 1889. Кн. XI. Общ. и критич. отд. С. 63–81.

⁶⁸ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Изд. подг. В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин (М.: Наука, 1969, серия «Литературные памятники»); Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. в 3-х тт. Пер. с фр. Н.И. Немчиновой и А.А. Худодовой. Под ред. В. А. Дынник и Л.Е. Пинского. – М., 1961.

⁶⁹ Северный вестник. 1889. Кн. 5. Отд. II. С. 1–29.

⁷⁰ Русская мысль. 1889. № 8. С. 373.

⁷¹ М.: изд. журнала «Русская мысль», 1887 и 1888 гг.

⁷² «За иконой» (Северный вестник. 1888. № 2. Февраль. Отд. I. С. 1–43); «По пути (Святочный рассказ)» (Северный вестник. 1887. № 2. Февраль. Отд. I. С. 1–49); «Ночью» (Северный вестник. 1888. № 12. Декабрь. Отд. II. С. 1–30); «Убивец» («Очерки сибирского туриста», III) (Северный вестник. 1885. № 1. Сентябрь. Отд. IV. С. 43–93)

самым простым его словам. За этими словами слышалось еще нечто недосказанное, что глядело на слушателя из этих глаз и прикасалось к душе при звуках этого голоса, будя в ней какие-то смутные чувства...» (Северный Вестник, 1888, № 2) (395).

Здесь цитируется рассказ «По пути», но приводятся выходные данные рассказа «За иконой». Это характерная для деятельности такого рода ошибка: она свойственна и некоторым другим произведениям писателя. Статья при жизни писателя не переиздавалась.

После статьи «Рассказы Вл. Короленко» Д. Мережковским был написан ряд статей, отобранных им для «Вечных спутников»: «Дон Кихот и Санчо Панса», «О "Преступлении и наказании" Достоевского», «И.А. Гончаров», «А.Н. Майков», «Марк Аврелий», «Кальдерон», «Монтань». В течение 1893 г. он опубликовал, кроме последней, статью «Мистическое движение нашего века» и два некролога: «Памяти Тургенева» и «Памяти А.Н. Плещеева», которые впоследствии не переиздавались и известны лишь по журнальным и газетным публикациям. В 1893 г. вышла в свет и известная книга писателя «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Видимо, количество написанного к этому времени и побудило его собрать сборник статей, который поначалу он думал озаглавить «Критические портреты» («Очерки всемирной литературы»), о чем он писал А.С. Суворину осенью 1893 г. В каком-то смысле роль неосуществленного тогда издания выполнила брошюра «О причинах упадка.» со статьями о Достоевском, Гончарове и Майкове, опубликованными под одной обложкой.

Статья «Мистическое движение нашего века» впервые печаталась в журнале «Труд» в 1893 г.⁷³ Основным источником статьи были «Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» в переводе Д.В. Аверкиева. Можно сказать, что и на Т. Карлейля, работу которого «Герои и героическое в истории» Д. Мережковский цитирует, он также смотрит глазами Гёте:

«... старик Гёте приветствовал Карлейля как новую грядущую силу» (420).

Автор статьи имел в виду высказывание Гёте из «Разговоров»:

«Ему предстоит огромная будущность; невозможно предвидеть ни того, что он сделает, ни влияния, которое он будет оказывать» (Запись от 9 июля 1827 г.).

Библейская цитата (Быт.: 2, 2), вводимая в текст статьи, также приведена в интерпретации Гёте из «Разговоров»:

«Ее первый догмат Гёте выражал двумя словами: *"Бог доныне не почил от дел своих"*» (Запись от 11 марта 1831 г.) (418).

Мы уже говорили о том, что значение этой книги как источника текстов Д. Мережковского весьма велико. Статью «Мистическое движение нашего века» стоит иметь в виду при определении места и роли Гёте в творческом мире писателя. В тексте также проводится сопоставление Т. Карлейля с Э. Ренаном, над трудами которого писатель размышлял в пору создания статьи «Марк Аврелий».

Сложность для пояснения представил следующий фрагмент статьи:

«Лет двадцать тому назад в своей речи, произнесенной при открытии съезда Британского Общества в Белфасте, знаменитый ученый Тиндаль, между прочим, сказал следующие знаменательные слова:

⁷³ Труд. 1893. № 4. С. 33–40.

"Мы видим одно глубоко вкорененное чувство, которое с самого рассвета исторической жизни народов и, по всем вероятностям, в доисторические времена воплотилось в религиозных верованиях мира. Вы, стоящие на высоте знания, можете смотреть с улыбкой сожаления на эти религии; но сарказм ваш только коснется случайностей формы, он не проникнет до незыблемых оснований того религиозного чувства, которое таится в нравственной природе человека. *Дать надлежащее удовлетворение этой потребности составляет одну из величайших задач нашего времени.* И как ни уродливы кажутся при сопоставлении с научной культурой многие из прошлых и настоящих религий мира, как ни опасны были они и как ни стремятся быть такими и в настоящее время для самых дорогих привилегий свободы, – рассудок требует признания их как проявлений силы, способной под руководством просвещенной мысли привести к самым возвышенным результатам в принадлежащей ей сфере нравственного чувства... Сама наука нередко почерпает силу в источнике, лежащем за ее пределами... Я готов утверждать, пренебрегая всеми ограничениями материализма, что здесь открывается самое благородное поприще для деятельности той внутренней силы, которую в отличие от сознающей мы можем назвать творческою способностью человека"» (420).

Источник этой цитаты нам найти удалось: речь английского физика Дж. Тиндаля была опубликована в газете «Nature» в №№ 251 и 253 за 1874 г. Но установить, откуда Д. Мережковский выписал цитируемый фрагмент и в чьем переводе, мы так и не смогли. Возможно, он содержался в одном из изданий трудов Д. Тиндаля в русских переводах⁷⁴.

⁷⁴ Тиндаль Дж. Популярные лекции. 2 изд. – СПб., 1885; Свет. Шесть лекций. – СПб., 1877; Теплота, рассматриваемая как род движения. – СПб., 1864; Фарадей и его открытия. – СПб., 1871; Формы воды в облаках и реках, во льде и ледниках. – М., 1873; Лекции об электричестве. – СПб., 3 изд., 1885.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.